

Игорь Петраков

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ 29

ОЗНАКОМИТЕЛЬНЫЙ ФРАГМЕНТ

ГЕРОЙ НАБОКОВА И ОБЩЕСТВЕННАЯ НОРМА

ЧЕЛОВЕК И СИСТЕМА В РОМАНЕ В.НАБОКОВА «ПОД ЗНАКОМ
НЕЗАКОННОРОЖДЕННЫХ»

КВЕСТ «ВОЗВРАЩЕНИЕ В ДЖОКОНДУ»

КВЕСТ «ДРАКОН»

КВЕСТ «АЛЕКСЕЙ ЛИПИН, ДЕТЕКТИВ С ДИПЛОМОМ»

30 ШАХМАТНЫХ ПАРТИЙ

ЖАНРЫ ЛИРИКИ В.СОЛОУХИНА

СВЕТЛАЯ ПОЛОСА. СБОРНИК СТИХОВ

ТАВТОГРАММЫ. РАССКАЗЫ.

В 29 том лапидарнейшего Собрания Сочинений Игоря Петракова вошли известные квесты, а также исследования о творчестве Набокова и Солоухина.

Герой Набокова и общественная норма.

Записки филолога.

В этой статье я подробно рассмотрю вопрос о соотношении образа набоковского героя с представлениями об общественной норме. Итак, помолясь, приступим.

Читая Набокова, невозможно отвлечься от мысли, что большинство его героев так или иначе выходят за пределы обозначенной мною нормы. Именно такие герои интересны Набокову как писателю и человеку. Герой Набокова - прежде всего яркая личность, индивидуум, часто не попадающий в ногу с обществом и временем.

Отклонения от нормы могут быть как со знаком плюс, так и со знаком минус. Набоков обозначает два полюса, находящихся за пределами нормы - сумасшествие и гениальность. Сумасшедшим, например, можно назвать героя романа "Отчаяние" Германа, задумавшего преступление против своего воображаемого двойника. И допустившего просчет, и пойманного полицией. Герой романа "Лолита" Гумберт Гумберт - эротоман, влюбившийся в 14-летнюю девочку (а это запрещено даже в Соединенных Штатах). С другой стороны, герой романа "Дар" - гениальный писатель, наделенный даром сопрягать разные времена в одной точке пространства, живым воображением и несомненным литературным талантом. Герой романа "Защита Лужина" - гениальный шахматист, сделавший карьеру в шахматном мире, который словно забирает у него, в свою очередь, его рассудок.

к самому понятию общественной нормы Набоков относился, впрочем, скептически. Писатель считал, что так называемый нормальный "средний человек" - в действительности не существует, это лишь ход хитросплетений лукавой статистики. За понятием нормы зачастую скрывается тот самый "здоровый смысл", который писатель обличал в своей лекции "Искусство литературы и здоровый смысл". Вот что он писал об этом явлении: " Читать биографию здравого смысла нельзя без отвращения. Здравый смысл растоптал множество нежных гениев.. По наущению здравого смысла уродливое, но могучее государство крушило привлекательных, но хрупких соседей, как только история предоставляла шанс" (Лекции по зарубежной литературе, СПб, 2014, с. 522). Нет ни единого человека, считал Набоков, которого здравомыслящее большинство в его "праведном" гневе, в удачно выбранной точке исторического процесса не осудило бы на смерть.

Набоков, по-моему, изобразил преступника как героя только однажды - в "Отчаянии" (не считая "Лолиты", разумеется). Его изощренный ум - желанный предмет для изображения писателем. Впрочем, в той же лекции отмечено, что "преступники обычно люди без воображения, поскольку его развитие, даже по убогим законам здравого смысла, отвратило бы их от зла, изобразив гравюру с реальными наручниками". Вывод: преступление - настоящее торжество пошлости, и чем оно удачнее, тем глупее выглядит.

Образ героя - сумасшедшего, который существует в своей особой логике, - это тоже случай отклонения от нормы. "Сумасшедший, - писал Набоков, - его личность обезглавлена; а личность художника увеличена. Сумасшествие - всего лишь больной остаток здравого смысла, а гениальность - величайшее духовное здоровье, и криминолог Ломброзо все перепутал, когда пытался установить их родство. Бузумцы потому и безумны, что, тщательно и опрометчиво расчленив привычный мир, лишены - или лишились - власти создать новый, столь же гармоничный как и прежде" (ЛПЗЛ, 532). Набоков в финале лекции предлагает нам уверенно столкнуть "монстра здравого смысла" с крыльца. Итак, далее нужно рассмотреть мнения о соотношении образа героя с общественной нормой в критике и набоковедении. Поэтому статья будет разбита на ряд глав, в каждой из которой будет рассмотрено мнение одного ученого или критика.

1. ПАВЕЛ КУЗНЕЦОВ. УТОПИЯ ОДИНОЧЕСТВА. ВЛАДИМИР НАБОКОВ И МЕТАФИЗИКА. 1992

Автор статьи говорит о презрении писателя к "общим" понятиям в жизни и литературе. И о том, как Набоков понимал действительность как таковую. "Реальность, - говорит Набоков, - безконечная вереница шагов, уровней понимания и, следовательно, она недостижима. Поэтому мы и живем, окруженные более или менее таинственными предметами" (1992, 244). Набоков прямо говорит о том, что не может использовать это слово, не взяв его в кавычки. Помнится, другой исследователь по этому поводу замечал, что для писателя не существовало "усредненной реальности". Набоков восхищался именно единичным, считает Кузнецов. Отсюда - его конфликт с эпохой, с историей, "где всеобщее, соборное, коллективное всегда доминировало над единичным, где философия, идеология, религия, общественное мнение, как правило, терроризируют все уникальное, навязывая несчастному индивидууму свои универсальные и безличные законы" (там же).

В подтверждение этого тезиса приводятся слова из рассказа (или повести?) "Соглядатай", герой которой утверждает, что глупо искать закона и еще глупее - его найти. "Надумает нищий духом, что весь путь человечества можно объяснить игрою планет или борьбой пустого с туго набитым желудком, пригласит к богине Клио аккуратного секретарчика из мещан, откроет оптовую торговлю эпохами, народными массами, и тогда несдобровать отдельному индивидууму с его двумя бедными "у", безнадежно аукающимся в чащобе экономических причин".

Автор статьи утверждает, что пошлость в понимании Набокова - есть обобщение, переведение единичного во всеобщее. Так, общественные заслуги персонажа романа "Подвиг" Иголевица переплавляются в форму пошлого некролога, который состоит из общих мест: "пламенел любовью к России", "всегда держал высоко перо". Эти характеристики подходят слишком для многих. Мартыну же больше всего было жаль своеобразия покойного, "действительно незаменимого, - его жестов, бороды, лепных морщин, неожиданной застенчивой улыбки, и пиджачной пуговицы, висевшей на нитке.. Это было в каком-то смысле ценнее его общественных заслуг, для которых был такой удобный шаблончик" (1992, 245).

В своем дистанцировании от общественного Набоков будто отодвигается даже от церкви. В романе "Пнин", например, говорится о Православной Церкви как о "благодостной общине, так мало требующей от совести по сравнению с теми утешениями, которые она сулит".

Норма и тайна существования у Набокова противостоят друг другу, считает Кузнецов. "Объясняя Набокова и используя язык в транзитивном смысле, я тут же отдаю себе отчет, что нелепо объяснять того, кто считал этот мир принципиально необъяснимым: всякое объяснение убивает тайну - то, что автор "ПНК" ценил превыше всего; когда исчезает тайна, мир становится прозрачным".

Еще одно замечание: чувство уникальности собственного мира у Набокова - родом из детства. У обычного человека оно с годами стирается. Но Набоков сохранил его до конца, сопротивляясь бесчисленным способам "обобщения", "благодаря которым существует любое общество".

Противники Набокова полагают, что у писателя маловато метафизической глубины, религиозных откровений. Они видят в нем, как заметил Кузнецов, стилиста, эстета, "талантливого пустопляса", порвавшего с традициями русской литературы. Почитатели Набокова, напротив, в этом видят его достоинства.

Завершая свою статью, Кузнецов приводит в качестве примера гениальности, почитаемой Набоковым, фигуру Шекспира. Набоков восхищается им потому, считает автор статьи, что тайна личности Шекспира скрыта от потомков. Так и Набоков, считает Кузнецов, хотел скрыть свою личность от современников и потомков.

2. Вл. АЛЕКСАНДРОВ. НАБОКОВ и ПОТУСТОРОННОСТЬ. 1999 год.

Название книги говорит само за себя. Исследователь берется изучать такую тонкую и неуловимую материю как "потусторонний мир" у Набокова. Исследуется ряд произведений писателя, в которых поднимается тема иного мира, иного существования.

Много говорится в книге о романе "Приглашение на казнь". О противопоставлении материального и ментального мира в этом произведении. Кстати, об этом развернуто написал и Ваш "покорный слуга" в сочинении "Онтологические сюжеты романа Набокова "Приглашение на казнь".

По мнению автора книги, материальный мир "ПНК" - это мир тюремщиков. В нем они пребывают и им они наслаждаются (вспомним хотя бы проповедь земных наслаждений мсье Пьера - палача). Для

Цинцинната этот мир всего лишь фальшивка, по сравнению с ментальным миром - миром, который он презревает и о котором догадывается.

Но вернемся к теме собственно нашей статьи. У Набокова герой противостоит "обществу" (в том числе обществу тюремщиков в "ПнК") так же как человеческое сознание противостоит миру, скажем, у экзистенциалистов (см. роман Сартра "Тошнота"). Человеческая мысль бьет поверх смерти ("Соглядатай") - и Бог знает, сколько еще будет бить. Это мысль героя набоковского произведения. А герой, в свою очередь, - часто поэт, писатель, автор дневника, исповеди. Вот что пишет по этому поводу Набоков в мемуарах: "Не там и не тогда, не в этих косматых снах, дается редкий случай заглянуть за свои пределы, а дается нам этот случай наяву, когда мы в полном блеске сознания, в минуты радости, силы и удачи - на мачте, на перевале, за рабочим столом.. И хоть мало различаешь во мгле, все же блаженно верится, что смотришь туда, куда нужно" (1999, 43).

Итак, герой - художник, писатель, творческий человек. И к Богу он относится как к Творцу, Создателю мира как художественного произведения, носителю творческого потенциала. Вот что говорит Набоков: "Писателю следует внимательно изучать труды своих конкурентов, в том числе и Всемогущего.. художник должен знать данный ему мир. Воображение без знания ведет лишь на задворки примитивного искусства" (там же, 45).

Речь идет, разумеется, и о "так называемой "реальности"". Александров пишет, что это словцо Набоков часто окружает кавычками, тем самым подчеркивая ее зависимость от познающей индивидуальности.

К церковным правилам Набоков, боюсь, также относился как к разновидности житейской, посторонней нормы. Часто он, по наблюдению Александрова, говорил, что его не интересует религия. Точнее, религия утрачивает для него смысл за пределами "литературной стилизации". "Однажды Набоков с некоторой гордостью припомнил, как шокировал он одного русского критика-эмигранта утверждением своего "совершенного равнодушия к организованному мистицизму, религии, церкви - любой церкви"" (1999, 48). Продолжая эту мысль, Набоков утверждал, что ценность для него имеет лишь личный собственный опыт и опыт семьи - как источник мировоззрения. Так, Набоков говорит о материнской вере - "Ее проникновенная и невинная вера одинаково принимала и существование вечного, и невозможность осмыслить его в условиях временного. Она верила, что единственно доступное земной душе, это ловить далеко впереди.. проблеск чего-то настоящего" (1999, 48-49).

Итак, личный опыт ставится во главу угла. Как не вспомнить слова героя "Отчаяния" о том, что "сказку" о Боге он не принимает потому, что это - не его, а всеобщая сказка. Впрочем, для читателя Герман - конечно, не авторитет в области религиоведения. Вот что пишет Александров, продолжая тему влияния матери на сына применительно к Набокову - "В духовной жизни матери и сына есть переклички, которые заставляют думать, что в потусторонность он входит через двери, приоткрытые ею. Набоков вспоминает, что стоило ему в детстве поделиться "тем или другим необычайным чувством", как сразу она "с жутковатой простотой" заговаривала о собственных снах и оккультном опыте" (там же).

Исследователь пишет, что Набоков хочет, чтобы "читатели прямо, без всякого посредничества переживали плодотворный жизненный опыт" (1999, 51). То есть его личный опыт. Для писателя важнее личный статус героя в его глазах, нежели его социальный статус (если воспользоваться выражением Гоши из фильма "Москва слезам не верит").

В романе "Приглашение на казнь" люди, окружающие героя, больше похожи на кукол, а сам материальный мир отдает фальшивкой. Александров в своей книге приводит мнение С.Давыдова, который полагает, что роман соответствует гностическим идеям, согласно которым человек "попадает в западню порочного материального мира, а тело его - тюрьма души" (1999, 106). В финале романа материальный мир, пестуемый второстепенными персонажами, распадается. Это соответствует идее гностиков - о том, что с возвращение духовных сущностей к их божественному источнику материальный мир будет разрушен.

Речь идет, в общем-то, о православной теме человеческой души и тела. "Подобно тому, как Лужин знает, что полное погружение в мир шахмат (что в здешней жизни ведет к безумию) есть путь к прекрасной нематериальности, Цинциннат угадывает, что .. освободит его от бремени телесности. Но поскольку оба персонажа состоят не только из духа, но также из плоти и крови, их не может не страшить утрата части самого себя, каковой грозит полное растворение в потусторонности" (1999, 109).

Об обществе в "ПнК" я уже писал в "Онтологических сюжетах романа..". Второстепенные персонажи этого романа, еще раз повторюсь, напоминают кукол. Не зря Цинциннат говорит, что он окружен

призраками - не настоящими людьми. Они для героя ирреальны, считает Александров. Цинциннат как герой романа обладает целостностью - в отличие от них. "Бездушные куклы", - так аттестует их исследователь. Как не вспомнить слова одного критика, который утверждал, что персонажам Набокова не хватает "чего-то неуловимо важного, может быть, души". "Например, директор тюрьмы носит "идеальный парик", у него "без любви выбранное лицо" с "несколько устарелой системой морщин". Перед нами, стало быть, старомодный и довольно небрежно выполненный муляж человеческого существа. Директор - участник шарады, разыгрываемой для Цинцинната; видно это, между прочим, из того, что, войдя, директор тут же исчезает, словно растворяясь в воздухе, а затем, через минуту, появляется вновь. В отличие от Цинцинната, который растворяется, освободившись от телесной оболочки, - акт, символизирующий наличие духовной сущности, - директор напоминает куклу, чье первое появление не удовлетворило невидимого кукловода. Другие тюремщики описаны в том же стиле - на них костюмы и парики, они играют, часто переигрывая, определенные роли" (1999, 113).

Материальный мир, в котором вольготно чувствуют себя эти персонажи - искусственный, перекошенный. Герой выделяется среди ряда "бездушных" (а это их знаменатель, считает Александров) персонажей. Не зря Цинциннат обращается к своему окружению так: "призраки, оборотни, пародии". Герой на фоне кукол выглядит "одним живым на всю страну большую гражданином" (как писал Набоков в стихотворении "Для странствия ночного мне не надо.."). "Я не простой.. я тот, который жив среди вас.. Не только мои глаза другие, и слух, и вкус, - не только обоняние, как у оленя, а осязание, как у нетопыря, - но главное: дар сочетать это в одной точке.. Нет, тайна еще не раскрыта, - даже это - только огниво, - и я не заикнулся еще о зарождении огня, о нем самом" (1999, 115).

Материальный мир в романе символизирует тупое твердое "ТУТ", "тесная тюрьма", где две буквы "т" напоминают двух рослых широкоплечих стражников, среди которых находится несчастный индивидум с его двумя "бедными "у"". Ментальный мир - тоническое-опорное-трезвучие "ТАМ". Это Тамарины сады и шире - весь иной мир, где находится оригинал этих садов. "Там" - образ воли, "с которой ассоциируется лесной пейзаж" и образ "потустороннего мира", считает Александров.

Александров исследует проблему соотношения героя и автора у Набокова. По его предположению, Цинциннат и есть скрытый автор романа. А повествовательное пространство зависит якобы от сознания героя. "Такую же зависимость выстраивает Набоков в повести "Соглядатай" (1930), где действительность, в которой пребывает персонаж, похоже, порождается его мыслью. И все же подобное прочтение "ПНК" представляется слишком вольным" (1999, 120).

По словам ученого, в романе есть система деталей, указывающая на то, что человеческая жизнь подобна книге, созданной в "мире трансцендентного".

А Цинциннат - говорит о своей зависти к поэтам, способным "пронестись по странице и прямо со страницы, где остается бежать только тень - сняться - и в синеву". Александров пишет об "образе тени", которая продолжает передвигаться, в то время как предмет, ее отбрасывающий, удаляется. По его мнению, это ясное предвестие того, что Цинциннат поднимется с плахи.

Александров невольно, сам того не желая, поднимает тему одиночества героя в человеческом обществе. В чем причина? "В своем мире он одинок, ибо, как он сам говорит, в мире нет человека, который бы умел разговаривать на его языке".

Цинциннату ближе иной мир, иная норма. Он "связан" с инобытием, которое, по мысли Александрова, радикально отличается от мира здешнего. "Такое различие вообще лежит в основе набоковского мировоззрения".

В зеркалах иного мира обретают смысл особые предметы - "нетки", бессмысленные в мире материальном. В "кривых" зеркалах они обретают форму, гармонию. "Нетки" становятся, по словам Александрова, чем-то вроде примеров, к которым Цецилия Ц обращается, дабы понять сыну, что "окружающие его в тюрьме абсурд и страдания.. обнаружат, стоит их только увидеть в адекватном контексте мира духовности, свой истинный смысл" (1999, 125). Герой - постулирует Александров - временно находится в материальном мире, и он существо тоже материальное, хотя и говорит о "невидимой пуповине", связывающей его жизнь с потусторонностью. Его окружает в романе не иной мир, а коловращение тюремной рутинны. "Не случайно коридор, как замечает Цинциннат, закругляется, чтобы вернуться к его камере, а тоннель, прорытый мсье Пьером, ведет к кабинету директора" (там же).

Среди второстепенных персонажей романа выделяется мать Цинцинната. По словам Александрова, именно Цецилии назначена роль более "развитой", с позиций агностицизма, личности, чем ее сын. "В

ее душу заронена божественная искра, больше того, она в любой момент готова обнаружить этот дар; ей ведомо, что отец Цинцинната - это личность "пневматическая", или духовная; а рассказывая о "нетках", она как бы намекает, что ей открыты тайны бытия". Цинциннат, считает Александров, совершенно не прав, говоря, что она - всего лишь "пародия". На это обстоятельство намекал в одном из интервью и сам Набоков. Цинциннат видит мать в ложном свете. Особо он отмечает, что башмаки ее, в отличие от макинтоша, сухи, и просит передать это "бутафору" - мол, недосмотр, накладка. Отношение Цинцинната Ц к обществу и материальному миру - не 100%-но враждебное, заявляет Александров. Герой наделен способностью пронизать взглядом этот "тусклый, рукотворный, людьми населенный мир" - но он все равно любит свою неверную и сластолюбивую жену ("Женка у вас тишь да гладь, а кусачая", как говорил один из ее любовников), тоскует по Тамириным садам, где блуждал в молодости, скучает даже по городским улицам с их незатейливой жизнью. Цинциннат - не гностик - теоретик, который принимает материальный мир в штыки. Такой вывод делает исследователь. Мать и Цинциннат - два персонажа романа, которые прозревают "трансцендентные дали" и обнаруживают духовное родство с потусторонностью, считает Александров. Они оба трезво оценивают возможности материального мира. Единственный, кто будет спасен в романе - это Цинциннат (и возможно, его мать - "не исключено, что за двусмысленной фигурой, возникающей в самом конце романа - "последней промчалась в черной шали женщина, неся на руках маленького палача, как личинку" - скрывается Цецилия Ц").

3. Н.АНАСТАСЬЕВ. ВЛАДИМИР НАБОКОВ, 2002.

Н.Анастасьев рассматривает тему общества и героя у Набокова также на примере "Приглашения на казнь". По его словам, человеческое общество в романе напоминает искусственный, обезчелоченный мир. Тема двойничества достигает здесь апофеоза, доходит до абсурда. "Адвокат - дублер прокурора: по закону они вообще должны быть единокровными братьями, но найти таковых удастся не всегда, и в этих случаях приходится прибегать к гриму". Абсурдный мир "ПНК" напоминает Зазеркалье Льюиса Кэрролла, правда, со зловещим уклоном. "Паук, повисший на стене тюремной камеры, сделан из латуни. На часах - циферблат без стрелок. Судьбу Эммочки, дочери директора, предсказывает фотогороскоп. Слезы, которые приливает Марфинька, похотливая жена Цинцинната, дама с "медальонным лицом", не солони и не сладки - "просто капля комнатной воды". Афиши, приглашающие на казнь, оповещают: "Талоны циркового представления действительны"" (2002, 258).

Абсурд взаимного присутствия человека и материального мира (по Сартру!) иллюстрировался Набоковым на примере Кафки. По словам Набокова, у Кафки (как и у Гоголя), "герой обитает в абсурдном мире, но трогательно и трагически бьется, пытаясь выбраться из него в мир человеческих существ".

Цинциннат как герой раздвоен, перед нами пример двойничества в глубине души, считает Анастасьев. "Система поработала и в немалой степени поработила Цинцинната. Но помимо сил внешнего воздействия, сказывается еще и двойственность человеческой природы". Говорится, что у Набокова есть герои безупречные в нравственном отношении (как Годунов-Чердынцев) и негодяи (как Падук из "Под знаком незаконнорожденных"). Но в основном они "мучительно нецельны". Так, Цинциннат являет собой пример "расщепленности души" (?? - ИП). Однако в Цинциннате, как и во многих героях писателя, есть "искра Божия", талант художника, писателя. Он - творец и "гарант мирового равновесия".

Цинциннат - автор тюремного дневника. Как известно, послание потомкам сочинял и герой Оруэлл в "1984". Но если в "1984" это отчасти всего лишь прием, то дневник Цинцинната - "литература, опыт самопознания, поиск слов, а также точки опоры в мире, отвергнувшем тайну и все расставившем по 64 клеткам шахматной доски" (2002, 263).

Набоков строит дневник героя в осознанно незавершенных, "неправильных" формах. "О, мне кажется, что я все-таки выскажу все - о сновидении, соединении, распаде, - нет, опять соскользнуло, - у меня лучшая часть слов в бегах и не откликается на трубу, а другие - калеки". Тут уж героя явно подменяет автор, недаром в точности такая же фраза повторена в предисловии к английскому переводу: "а слова между тем без присмотра пустились в бега". "Звучит живая речь" (2002, 264-265). Говорит Анастасьев и о символике имени героя. предшественник Цинцинната - сын Луция Квинция Цинцинната, который обладал красноречием "на форуме", "так что никто в Риме не мог считаться ни более храбрым, ни более речистым". Предшественник набоковского героя из "реального" мира - "выступил против трибунов, был предан суду, отпущен на поруки и удалился в изгнание".

4. Т.ГАЛКИНА, 2010.

Произведения Набокова героцентричны, считает Галкина. Центр изображаемого - не норма общества, не общественные идеи, движения, стереотипы, а герой. "Основной характеристикой сюжетов рассказов (Набокова) является описание одной ситуации, в которой оказывается персонаж". Пример - СС (сюжетная ситуация) рассказа "Оповещение", состоящая, по мнению Галкиной, из 7 эпизодов.

Т.Галкина также пишет о противопоставлении двух миров у Набокова - мира ментального и мира "реального". На этом противопоставлении, по ее словам, построено содержание значительной части рассказов писателя. Это противопоставление фиксируется на уровне сюжета, композиции, персонажей, образности. Например, в рассказе "Соглядатай" противопоставление осуществляется на уровне сюжета. "Главный герой оказывается в неприятной ситуации, его избивает муж его любовницы, и это наблюдают его ученики. Он совершает самоубийство. На этом его жизнь в реальном мире заканчивается. Далее он живет в ментальном мире, где наблюдает сам за собой со стороны. Здесь он бывает доволен собой, горд за свою вымышленную натуру. Именно здесь он находит любовь и счастье" (2010, 108-109).

Исследуется смысл "одинокость" - личностный смысл, связанный с "реальным" миром. Приводится такая цитата из "Соглядатая":

И когда я возвращался один среди чмокания и ртутного блеска безжалостной ночи, мне было холодно, холодно до омерзения.

(там же)

Семантический компонент "холод", который связан со смыслом "одинокость", очевиден и в рассказе "Совершенство".

Кроме того, "противопоставление концептов "мир реальный" - "мир ментальный" актуализируется в рассказе "Соглядатай" в доминантном смысле "противопоставление бессонной пестроты жизни и бархатного сна.." (2010, 110).

В так называемом "реальном" мире герой несчастлив. Он постоянно наблюдает за собой, "ничего в своем бытии не понимая" - и шалея от мысли, что не может забыть. Лексема "сон" здесь в метафорическом значении положительно окрашена.

Герой выделяется среди его современников, среди общества - еще и своей бедностью. Ее он пытается скрыть. Характерны следующие фразы из рассказов Набокова:

1. "Его костюм был потрепан и пятнист, галстучек, обычно завязанный так, чтобы в узле скрыть потертое место, показывал сегодня зазубрину" ("Соглядатай").
2. "Он носил гетры, чтобы скрыть дырки в носках" ("Встреча").
3. "Перчатка была с дырочкой" ("Оповещение").
4. "Единственные башмаки.. она заставляла себя не думать об их подошвах" ("Красавица").

(цит. по: 2010, 111).

Также набоковский герой в "реальном" мире чувствителен к неприятностям, остро реагирует на них ("Соглядатай" - самоубийство, "Случай из жизни" - попытки убийства, "Лебеда", "Красавица" - истерика и отчужденность). Выход, который видит для себя герой, - уход в мир ментальный. Он может осуществляться и посредством воспоминаний, фантазий, видений.

Переход в ментальный мир - освобождение. Так, в "Соглядатае" герой чувствует "вдруг невероятную свободу". Концепт "ментальный мир" положительно чувственно-эмоционально окрашен. Во сне, в мечте - герой счастлив. "Ваня всецело создана мною, я успокоился, привыкнув к своему волнению и отыскав в нем всю некоторую сладость, которую вообще может человек взять от любви", - приводится цитата из "Соглядатая".

Доминирующие эмоции, связанные с "реальным миром" - стыд, уныние, тоска, мука, боль. В ментальном же мире актуализируется состояние счастья - "И все же я счастлив. Да, я счастлив. Я клянусь, клянусь, что счастлив".

Усредненное общество обычно представлено через фигуры второстепенных персонажей, напоминающих куклы. Примеры:

1. "Нищая старуха.. Луч фонаря скользнул по ее впалой щеке, под ноздрей дрожала яркая капелька".
2. "Отец каждое утро фехтовал с мсье Маскара, маленьким, пожилым французом, сделанным из гуттаперчи и черной щетины".

3. "Он вообразил Серафима, его мясистые пологие плечи (подчеркнуто плотский персонаж, - ИП), огромные галоши".

4. "В Париже, почуя беду, таращит глаза, скрипит зубами и сильно дышит через нос (телесная стихия второстепенного персонажа, - ИП) ревнивый изверг".

Выводы, касающиеся противопоставления двух миров в рассказах Набокова, таковы:

1. Компоненты семантической организации рассказов, актуализирующие концепт "ментальный мир", описаны с доминированием визуальной репрезентативной системы.

2. Компоненты, репрезентующие концепт "реальный мир", обрисованы с частым использованием кинестетической репрезентативной системы.

5. Г.САВЕЛЬЕВА. КУКОЛЬНЫЕ МОТИВЫ В ТВОРЧЕСТВЕ НАБОКОВА. В.НАБОКОВ: PRO ET CONTRA. 2001

Тема кукольного царства у Набокова, считает автор статьи, отвечает представлению о сказочности, театральности и фальшивости описываемого мира. Так, в "Приглашении на казнь" писатель "рисует картину ненастоящего, пародируемого, театрально-фальшивого кукольного мира, в котором существует главный герой - Цинциннат". Герой живет в наскоро сколоченном и свежепокрашенном мире, где луна - "то абрикосовая, то светит "серым сальным отблеском"", а на дворе разыгрывается "просто, но со вкусом поставленная летняя гроза".

Все остальные персонажи романа (кроме героя) - куклы. По ходу развития действия их кукольность усиливается.

В начале это лишь намеки: восковой пробор или тряпица на парике, стражник "в песьей маске с марлевой пастью", кукольный румянец на медальонном лице Марфиньки, жены героя, которой он говорит: "Пойми, что мы окружены куклами и что ты кукла сама" и особенно - блестящий, бодренький, кругленький, в желтеньком паричке, сахарный толстячок-палач Пьер с фарфоровым взглядом и наливным, как восковое яблочко, личиком.

(Г.Савельева, 2001, 347).

Общественные проявления в романе подвергаются абсурдизации. В роли суженого выступает палач, раздаются крики "Горько" и "На брудершафт" во время визитов к "отцам города". По случаю казни устраивается иллюминация. Издаётся программка казни, сопровождаемой премьерой оперы-фарса "Сократись, Сократик".

6. С.КОЗЛОВА. ГНОСЕОЛОГИЯ ОТРЕЗАННОЙ ГОЛОВЫ И УТОПИЯ ИСТИНЫ. ТАМ ЖЕ, 2001.

С.Козлова рассматривает финал романа "Приглашение на казнь". И подвергает сомнению истинность открывающейся в финале перспективы для героя. Что такое образы еще вращающегося палача и расплывающихся зрителей? Что такое винтовой вихрь, поглощающий людей и вещи? Оказывается, объяснение просто - и ларчик просто открывается - все это лишь "симптомы гаснущего сознания разрушающего мозга".

Они не могут свидетельствовать об истинности ментального мира, считает критик. Виной всему - мозг, в "темных и сырых" извилинах которого роятся сновиденческие образы, "рожденные Эросом и Танатосом". Итак, существование "метафизического мира" объявляется проблематичным. Соответственно, подвергается сомнению существование нового Цинцинната. "Последний" пошел по зыбкому сору", "пошел среди пыли и падших вещей, направляясь в ту сторону, где, судя по голосам, стояли существа, подобные ему". Что это, вопрошает исследовательница, как не "последние моторные и слуховые галлюцинации аптутированного мозга"? и значит - "обманный ход".

В статье также содержится ряд размышлений о "реальном" мире, который напоминает "мастерскую игрушек". Но и в этом крашеном, кукольном мире, считает исследовательница, когда-то было время, то есть движение и развитие.

7. Вадим ЛИНЕЦКИЙ. ЗА ЧТО ВСЕ-ТАКИ КАЗНИЛИ ЦИНЦИННАТА Ц? 1993.

Линецкий считает, что в романе "Приглашение на казнь" есть критика традиционного литературного дискурса (и следовательно, видимо, общества). "Используя формулировку из "Истинной жизни Себастьяна Найта", можно сказать, что персонажи "ПНК" суть "методы повествования", а его

пространство - пространство традиционного литературного дискурса - важнейшим признаком которого оставалась "прозрачность" (1993, 176). Именно в рамках этого дискурса непроницаемый Цинциннат кажется персоной нон-грата.

Есть размышления и о ментальном и материальном мирах, в которых существуют герои Набокова. Цинциннат сравнивается, между прочим, с Персоном из "Просвечивающих предметов". Для последнего "приглашением на казнь" якобы становятся сны, которые, по его словам, "суть анаграммы дневной реальности". Всю жизнь Персон чувствует "соседство другой", более мудрой и спокойной персоны, нежели он сам. Такое ощущение, по мнению Линецкого, знакомо и Цинциннату. "Прозрачная тень" Персона соответствует образу "другого, добавочного Цинцинната".

Для характеристики ментального мира как нельзя лучше подходят слова героя романа -

Не тут! Тупое "тут", подпертое и запертое четою "твердо". Но какие просветы по ночам, какое.. Он есть, мой сонный мир, его не может не быть, ибо должен же существовать образец, если существует корявая копия.

(с. 178)

Тюремщики в романе не контролируют сны. А это для них обидно - и они издают такие правила для заключенных: "Желательно, чтобы заключенный не видел вовсе, а противном случае тотчас сам пресекал ночные сны, могущие по своему содержанию быть несовместимыми с положением и званием узника, каковы: роскошные пейзажи, прогулки со знакомыми, семейные обеды, а также половое общение с особами, в виде реальном и в состоянии бодрствования не подпускающими данного лица, которое посему будет рассматриваться законом как насильник".

Набокову не нравилось, когда писатели (особенно советские) включали в свои произведения социальные обобщения. Набоков хорошего писателя называл сказочником. Он должен создать такое произведение, которое бы подталкивало воображение читателя.

8. МАРИНА ГРИШАКОВА, 2002.

Вот что пишет исследовательница о зависимости героя Набокова от других, от общества, цитируя самого писателя:

"Бедный Смуров существует лишь постольку, поскольку он отражается в сознании других людей, которые, в свою очередь, пребывают в том же странном, зеркальном состоянии, что и он" (Предисловие, 1997, 58). "Где тип, где подлинник, где первообраз?" (Набоков, 2000, 3: 69).

Метасюжет романа - поиск своего зеркального отражения. В предисловии к английскому изданию романа Набоков описывает этот поиск как проведение расследования, где разыскиваемый - Смуров. (2002, с. 218).

При этом силы воображения, которые, по Набокову, и есть силы добра - неизменно на стороне Смурова.

Герой - автор этой истории, он группирует "этих людей", делает "из них разные узоры". Они для него - только экран, утверждает автор статьи. "Он наблюдает происходящее извне, проникает призраком в мир рассказа ("мое безплотное порхание по комнате"), "вербует" героев, сливается со Смуровым или отделяется от него, а может вовсе прекратить наблюдать за ним".

9. ЛИНА ЦЕЛКОВА, 2001.

Л.Целкова в своей главе, посвященной роману "Приглашение на казнь", приводит высказывание Набокова об обществе и государстве, перекликающееся тематически с романом: "Воинствующие болваны полицейского государства постепенно истребили по-настоящему талантливых авторов Ю особую, наделенную хрупким даром разновидность человека. Эта скотская и тупая власть подвергла гонениям Мандельштама и в конце концов загубила в одном из далеких концентрационных лагерей.. И когда я читаю его стихи, я испытываю подобие беспомощного стыда за то, что волен жить, думать, писать и говорить в свободной части мира. Вот те единственные минуты, в которые свобода становится горькой" (с. 65 - 66).

Героя Набокова - Цинциннату Ц - Лина Целкова рассматривает (наряду с Раскольниковым) как изгоя общества. Как и Раскольников, он находится в конфликте с окружающим миром. Но если Раскольников агрессивен и эгоистичен и борется за свою жизнь, отчаянно сопротивляясь, то Цинциннат - "личность благородная, безобидная, не противопоставляющая себя другим, а до поры до времени скрывающая свою непохожесть и затем почти безропотно принимающая свое изгнание из общего "муравейника". Цинциннат не может уподобиться толпе".

Продолжая сравнивать Раскольникова и Цинциннату, автор книги говорит о материальном мире, который она называет уродливым и ненастоящим.

Раскольников - не принимает этот мир. В нем он окружен любовью - матери, сестры, Сони, Разумихина. но ему нужно "все", "весь капитал" и сразу.

Цинциннат - не держит зла на своих мучителей, прощает и любит Марфиньку. Обстоятельства его жизни доведены до гротеска - он не понят и не любим женой, которая рождает ему двух не его детей, которые к тому же калеки, вдобавок девочка тупа, а мальчик зол. "Принятие жизни, несмотря на абсурд - пожалуй, это главный полемический ответ Достоевскому".

Герой Набокова, считает Целкова, противопоставляет миру свою сугубую индивидуальность. "В изображении жизни города, которая представляется в мечтах Цинциннату, Набоков не забывает упомянуть о том, что "все в этом городе на самом деле было всегда мертво и ужасно по сравнению с тайной жизнью Цинциннаты"" (с. 68).

Общество представляет в "Приглашении" тюремщик Родион. Он "бережно снимает" Цинциннату со стула, приносит ему вкусную еду и "неотступно наблюдает за ним в глазок камеры". Эти отношения напоминают отношения Родиона Раскольникова с Порфирием Петровичем. "Заботясь внешне о Раскольникове, о его душе, судьбе, Порфирий все же заставляет его признаться" (69).

Отличие Цинциннаты от прочих персонажей романа в том, что он - писатель. Настоящий писатель. "Один из многих, гонимых, непонятых, мучающихся своей странной непохожестью на прочих творцов. Это полностью подтверждает его последняя просьба.. "сохраните эти листы!" Другие персонажи "ПНК" - условны, взаимозаменяемы. Например, "тюремщик Родион Иванович и директор тюрьмы Родриг Иванович время от времени соединяются и превращаются в одно и то же лицо. Родион снимает рыжий парик и становится Родригом. Родриг Иванович надевает фартук и становится Родионом".

Размышляя о герое Набокова и окружающем его мире, Целкова приходит к такому выводу: "Герой оказывается перед открытием, что из жизни выброшено все ценное, достойное любви и памяти. Все подвергается абсурдистскому преломлению и издевательскому осмеянию, все превращается в болезненный фарс и приносит страдания". А палач, показанный в "Приглашении..."? Приятный на вид господин - он "спасает" свою жертву, гуляет с ним по крыше тюрьмы и по пустынным улицам, "дает ему насладиться воспоминаниями прошлого, ужинает с ним в присутствии отцов города и публики, демонстрируя установившиеся "братские" отношения" (с. 72).

Вывод: отношения мсье Пьера и Цинциннаты - отношения кошки с мышкой, повторение отношений Порфирия Петровича и Раскольникова. "Ласковый хищник мсье Пьер говорит о "сюрпризе", который недооценил Цинциннат. Вся жуткая "игра" следователя с преступником, когда они оба знают правду, спародирована в "ПНК"" (73).

При этом, что любопытно, Палач похож на Ильича, главу Советского государства. "Эта напускная доброта, это закатывание глаз "с прищуриной", этот мальчишеский смех и т.д. представляют собой что-то особенно отвратительное для меня. Именно эту атмосферу "веселости", этот кувшин молока человеческой доброты с дохлой крысой на дне я использовал в своем "Приглашении на казнь". "Приглашение" делается так добро, все будет так прекрасно и приятно, если Вы только не будете суетиться (говорит палач своему пациенту)".

Окружающий Цинциннату мир Целкова называет воинственным, абсурдным, пошлым, безчеловечным; впрочем, все эти картины низводятся автором до уровня "мира ненастоящего, картонного". Настоящим оказывается один Цинциннат. Герой "ни разу не становится смешным и кукольным, даже тогда, когда рассыпается на части. Мучения его кажутся подлинными и вызывают у читателя глубокое сострадание. Весь мир вокруг Цинциннаты - это "ложная логика вещей", и только он один - подлинный".

10. М.МАЛИКОВА, 2002.

Мир писателя и, следовательно, мир его героя, считает Маликова, отличен от среднестатистического мирка. Набоков "выбирает привелигированную наблюдательную позицию "вне дьявольского времени,

но очень даже внутри божественного пространства", "на мачте, на перевале, за рабочим столом", "на почти необитаемой гряде времени". Перед дальнорезкими глазами памяти открывается уже не "чаша жизни", а "детальная", хотя и "несколько несбыточная" карта, украшенная "мифологическими виньетками"". Писательская Россия - вот его ориентир в этом бушующем мире. Так, кембриджская реставрация России, по словам Маликовой, заканчивается конструкцией "может быть, искусственной, но восхитительной России"". В "Память, говорит" искусственность не противоречит точности - "мой искусственный, но прекрасно точный русский мир" (с. 144).

Отношения автора с героем, впрочем, сложны, наблюдается даже ревность к герою - "В одной из моих книг я одолжил детству моего героя учительницу, которой я обязан удовольствием понимать французский язык. Я сказал "одолжил", но, наверное, правильнее сказать иначе: "Мои герои ее у меня отняли". Грустно наблюдать, как эти бледные существа, вышедшие из черного лунного света чернильницы, злоупотребляют прекрасными вещами и дорогими образами, которые им даны, пока не уничтожат, мало-помалу, наше подлинное прошлое".

Герой, на порядок выше, нежели окружающие его представители общества - и второстепенные персонажи - обладает памятью и зрением (о чем смотрите в моей статье о мотивах зрения в творчестве Набокова). По словам Маликовой, память у Набокова уподобляется зрению. Набоков говорит о "глазах Мнемозины", "взгляде памяти". "Вспоминаю" у него значит "вижу". Мать, говоря "Запомни" - привлекает его внимание к "визуальным деталям". А их автор может соотносить с..

1. Фотографией ("вспышки ночных зарниц, снимающих в разных положениях далекую рощу");

2. Живописью ("Краски кленовых листьев на палитре мокрой террасы");

3. Каллиграфией ("клинопись птичьей прогулки на свежем снегу")

(цит. по: Маликова, 2002, 176).

Маликова также отмечает, что доминирование зрительных образов у Набокова отмечали Альтер (1991), Штюрок (1993), Морару (1999), Шапиро (2000), Хансен-Леви (2000), Ямпольский и Созина (2001). Даже эмигрантские критики уже отмечали "ВИДЕНИЕ" как основное чувство и "зрячесть и зоркость" как доминанты мира писателя (напр., Струве, 1930).

11. НИКОЛАЙ ПЕРЕЯСЛОВ. ЗАГАДКИ ЛИТЕРАТУРЫ, 1996.

Уже было сказано, что герой Набокова - писатель, поэт. Продолжая размышлять на эту тему, Переяслов цитирует стихотворения Набокова, в частности, - "Когда я по лестнице алмазной". В этом стихотворении "поэт оказывается перед дверью в рай с предусмотрительно захваченным с земли дорожным узелком, который, будучи по требованию апостола Петра развязанным, обнаруживает перед ним и перед нами "два-три заката, женское имя и горсточку земли родной".

Перед нами - лирический герой предстает как русский поэт. В другом стихотворении ("В раю") Переяслов находит строки:

Буду снова земным поэтом:

на столе открыта тетрадь..

Если Богу расскажут об этом,

Он не станет меня укорять.

Образец общественного и государственного устройства при этом для лирического героя - дореволюционная Россия. Она идеализируется у Набокова. По мнению Переяслова, рая как трансцендентной области "для Набокова в общем-то не существует". Его рай - это не что иное, как комплекс "символов", отождествляющихся в его сознании с Россией и родительским домом.

Образ рая - это не нечто неизвестное, но привычный земной дом, только "уже не временный, а постоянный", не подверженный никаким мирским катаклизмам:

В нем даже пахнет точно так же, "как, знаешь ли, на даче, - в первый день", а вокруг раскинулся сад - "давным-давно знакомый и любимый"

(1996, с. 41).

12. М.ШРАЕР, 2000.

В своей работе М.Шраер аттестует Набокова как врага всяких общественных "объединений". И приводит такую цитату: "Так как в метафизических вопросах я враг всяких объединений и не желаю

участвовать в организованных экскурсиях по антропоморфическим парадизам, мне приходится полагаться на собственные свои не столь уж слабые силы, когда думаю о лучших своих переживаниях" (74 - 75).

Выходом к другому для Набокова может быть .. любовь. Именно любовь, по словам Элен Пайфер, открывает ему миры других людей и даже область мира "потустороннего". По мнению Шраера, иномирная потусторонность - "это область идеализированной вечной любви, которая невозможна в обыденном мире и к которой все же стремится весь сонм персонажей Набокова от Никитина в раннем рассказе "Порт" до Васеньки из позднего рассказа "Весна в Фиальте"".

Здесь же утверждается, что потусторонность - это якобы "антимир" по отношению к "реальности".

М. Шраер "анализирует" в своей книге сексуальные мотивы в произведениях Набокова. и замечает, между прочим, что с точки зрения других персонажей герой нередко рассматривается как случай отклонения от сексуальной нормы. Пример - Гумберт Гумберт из "Лолиты" (полюбивший 14-летнюю, что "ненормально" с точки зрения американского общества), Смуров из "соглядатая" (которого один из второстепенных персонажей окрестил "сексуальным левшой", то бишь гомосексуалистом). Да и "теща Лужина полагает, что ее зять - половой извращенец, в то время как на самом деле у Лужина и его супруги нет сексуальных отношений" (Шраер, с. 286).

Итак, Шраер предпринимает обзор "сексуальных отношений" в прозе и поэзии Набокова. Замечено, в частности, что слова "секс" Набоков не любил. А в романе "Дар" молчание о сексе вообще "возведено в крайнюю степень". Шраер ведаёт нам о том, что повествование в "Даре", оказывается, заканчивается "как раз в ту ночь, когда Годунов-Чердынцев и его возлюбленная Зина Мерц предполагают вступить в сексуальные отношения". Шраер приводит и такую цитату из Набокова: "Натурально, я не могу касаться интимной стороны их отношений, во-первых, потому что смешно было бы рассуждать о том, о чем ничего определенного сказать невозможно, а во-вторых, потому что самый звук слова "секс" с его вульгарным присвистом и "кс-кс" на конце, каким прриманивают кошку, представляется мне до того пустым, что я волей-неволей сомневаюсь, -есть ли у этого слова сущностное содержание. Я действительно полагаю, что наделять "секс" неким особым значением в человеческой жизни, или, того хуже, позволять "сексуальной идее", когда таковая вообще существует, пронизывать и объяснять все остальное - это серьезное заблуждение разума" ("Изнанка Луны").

В жизни героев Набокова зачастую отсутствует "сексуальная гармония", считает Шраер. А ведь это тоже отклонение от нормы. "Как же могут русские литературные представители Набокова жить без сексуальной гармонии? Как это ни парадоксально, секс или вообще отсутствует в их жизни (Лужин, Годунов-Чердынцев), или они состоят в сексуальных отношениях с людьми, которых не любят, продолжая безнадежно желать идеализированную Прекрасную Даму (Ганин и Людмила против Ганина и Машеньки; Мартын и Роза против Мартына и Сони).. Герои Набокова.. ищут сексуальную гармонию вне института брака". Среди таких героев Шраер называет Горна и Магду, Кречмара ("КО"), Франца и Марту ("КДВ"), Аллу ("Подвиг"), Марфиньку ("ПнК").

Далее Шраер размышляет о сексуальной патологии и норме у Набокова. "В предвоенных произведениях Набокова уже заложены ростки "Лолиты". В нескольких русских вещах переданы фантазии нимфолептов (Кречмар в "Камере обскуре"; Щеголев в "Даре"). "Волшебник", написанный перед войной.., уже содержит патологическую сюжетную пружину, хотя в новелле недостает метаэстетических и метафизических высот "Исповеди светлогожего вдовца"" (с. 297)

И еще: в "Лолите" и "Аде", оказывается, идеалы главных героев и их стремления к сексуальной гармонии "противоположны буржуазным институтам брака". Сексуальные отношения между Ван Вином и Адой и даже между Гумбертом и Лолитой автор книги называет инцестуальными. Они нарушают "этические нормы" и законы современного общества. Хотя Гумберт, например, признает, что "во сне имел так называемые нормальные сношения с земнородными женщинами, у которых груди тыквами или грушами". Ван Вин тоже вступает с женщинами в "нормальные отношения", которые соответствуют нормам буржуазного брака. Но при этом оба мечтают, как выражается Шраер, об "антиземной любви".

13. С.СЕМЕНОВА. ДВА ПОЛЮСА РУССКОГО ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ, 1999.

Герой Набокова лишен общественных опор, считает автор статьи. Так, в "Соглядатае" прямо высказывается смысл существования "экзистенциального человека", "лишенного онтологических опор, религиозных или общественно-сакральных". И этот смысл якобы несет ему счастье. В

подтверждение приводятся слова героя романа - о том, что он счастлив и неуязвим. Его счастье - "смотреть на мир", на людей. А писатель еще бы добавил - смотреть и описывать (считает критик). Героя не интересует общество и его обычаи. Яркий пример этому - Лужин из "Защиты Лужина". "С детства его душа и ум маниакально замкнуты на шахматах: он мог мыслить только шахматными образами, воспринимая мир как шахматную доску, - вот этой липой "взять.. телеграфный столб", а в символическом сне он видит себя голым на гигантской шахматной доске. Лужина, по существу, не интересует больше ничто и никто: ни люди, ни общество, ни родители, ни любовь, - только такая онтологическая игра, и в этом смысле он один из самых метафизических героев Сирина".

Герой Набокова чувствительнее, чем так называемый "нормальный человек". "Нормальные люди, то есть нормально подслеповатые и глуховатые, не замечают или сразу же спасительно отводят глаза и отвлекают уши, как только промелькнет скелетная тень или взвизгнет коса зловещего режиссера их судьбы, проглянут.. ходы рока. Тихое, внутреннее сумасшествие Лужина - в необычайно остром чувстве этой судьбы, ее тяжелого дыхания за спиной, ее душащей обнимки, - одним словом, экзистенциальной истины человеческой жизни" (1999, 199). Замечания о мрачном характере судьбы набокковского героя приходится оставить целиком на совести автора статьи..

К слову, в статье речь идет и об иллюзорности "материального мира". Пример - искусственный мир из романа "Приглашение на казнь". Он иллюзорен, куколен, считает Семенова. Время на циферблате рисуется, паук - искусственный - висит на ниточке, по небу плывут "бутафорские облака". Ближе к финалу убирается луна, разрушаются - камера, тюрьма, здания, мимо которых едет коляска с осужденным. И все это читается, как считает Семенова, в экзистенциальном ключе.

Речь идет и о противопоставлении героя и "других" - погрязших в неистинном существовании. Такие персонажи рисуются, по словам автора статьи, иронически, брезгливо, с отвращением - они пошлые и противные. В "ПНК" антитеза "я" - "другие" "реализована" предельно буквально. Только "я" жив и действителен среди плотных на ощупь привидений, среди крашенных кукол и пародий.

Семенова критикует современное общество. По ее словам, любой социум готовит детей "к благополучному небытию взрослых истуканов". Большинство и существует потом в таком заведенном, автоматическом режиме, не терзаясь тайнами бытия, зато зная толк в веере земных удовольствий - от "блаженства отправления естественных надобностей", гастрономических и любовных до "наслаждения искусством".

Среди окружающих героя людей, впрочем, есть те, кто составляет исключение. Это "малый круг", по выражению Семеновой. К нему относятся отец, мать, родные, духовно близкие одиночки (как Кончеев в "Даре"), любимая женщина. Но и они - всего лишь "из окрестностей единственного центрального "я"" (с. 202).

Человек и система в романе Владимира Набокова «Под знаком незаконнорожденных».

Исследование выполнено в сентябре 2022 года.

СОДЕРЖАНИЕ:

1. Введение.
2. Система.
3. Герои и персонажи.
 - 3.1. Круг.
 - 3.2. Ольга.
 - 3.3. Давид.
 - 3.4. Падук.
 - 3.5. Второстепенные персонажи.
4. Автор.
5. Списки литературы.

Как мне избавиться от него? Я не могу больше. Все полно им, все, что я люблю, оплевано, все стало его подобием, его зеркалом, и в чертах уличных прохожих, в глазах моих бедных школьников все яснее и безнадежнее проступает его облик. Не только плакаты, которые я обязан давать им срисовывать, лишь толкуют линии его личности, но и простой белый куб, который даю в младших классах, мне кажется его портретом,— его лучшим портретом быть может.

Стоя у окна, я слышал первые отдаленные фанфары, балаганный зазыв радио на перекрестке, и мне было спокойно от мысли, что я, я один, все это могу пресечь.

("Истребление тиранов")

От серьезного критика я ожидаю прежде всего восприимчивости, достаточной для того, чтобы понять, что какой бы термин или троп я ни использовал, цель моя состоит не в блеске остроумия или гротескной загадочности, но в том, чтобы выразить свои чувства и мысли с максимальной правдивостью.

В.Набоков.

1. ВВЕДЕНИЕ

Увы, но в последнее время роман «ПЗН» становится все более актуальным. Вопросы и проблемы, поднятые в нем Набоковым, звучат современно в наши дни. Конечно, опыт нашего обращения к роману — это случай использования эзоповского языка для характеристики действительности.

"Замысел «Bend Sinister» относится к началу 1940-х гг., но опубликован он был только в 1947 г. в США и стал первым английским романом американского периода творчества писателя", - пишет Казнина. Он имеет внешние черты политической антиутопии, считает исследовательница.

Предшественниками ПЗН исследовательница называет роман Замятина "Мы", набоковские "Приглашение на казнь" и "Истребление тиранов" (рассказ). "В рассказе «Истребление тиранов» (1936) изображен безымянный диктатор с узнаваемыми чертами «отца народов». Место действия — Зоорландия. Герой-рассказчик был знаком с диктатором в юности и теперь одержим чувством вины, что не истребил его вовремя. Однако в процессе изложения этой истории рассказчик приходит к пониманию, что диктатор существует не только в реальной действительности, что он живет в его собственном сознании, «существует в нем самом», «питается его ненавистью». Таким образом, чтобы убить тирана, необходимо истребить.. свое обиденное сознание, которое верит в необходимость и неистребимость диктаторов. Это самое реалистическое из «социальных» произведений Набокова, где анализируется не столько технология власти, сколько психология конформизма, создающая почву для диктатуры. Здесь речь по большей части идет о внутреннем мире человека, о его сознании, привязанном к миру, о необходимости «выдавливаться в себе по капле раба»" (с. 68).

О «Под знаком незаконнорождённых» Набоков писал: «Влияние моей эпохи на эту мою книгу столь же пренебрежимо мало, сколь и влияние моих книг или по крайней мере этой моей книги на мою эпоху. Нет сомнения, в стекле различимы кое-какие отражения, непосредственно созданные идиотическими и жалкими режимами, которые всем нам известны и которые лезли мне под ноги во всю мою жизнь: мирами терзательств и тирании, фашистов и большевиков, мыслителей-обывателей и бабуинов в ботфортах. Нет также сомнений и в том, что без этих мерзостных моделей я не смог бы нашпиговать эту фантазию кусками ленинских речей, ломтями советской конституции и комками нацистской лжерасторопности» ("Википедия").

Как видите, в один синонимический ряд автор ставит фашизм и социализм. По его мнению, эти два явления, породившие тоталитарные режимы, достойны осуждения.

Косвенно Набоков здесь подтверждает отчасти политический характер своего произведения.

Об обличении тоталитарных режимов разного происхождения говорят и авторы дзен-канала "Пересмешники" -

И особенно не дай Бог застать время, когда после смены правителей приходит режим тоталитарный. Именно такой режим застаёт профессор университета Адам Круг в самое трудное для себя время (у него только что умерла жена). Попыткам Адама не замечать происходящего и считать, что профессорская слава способна спасти его и его маленького сына от безумия новых хозяев государства, и посвящен сюжет Bend Sinister.

Понимая мозгом, что на антиутопию Набокова сильно влияло его восприятие происходящего в Советском Союзе, что большую часть написанного (если не всё) надо воспринимать как символы, что рваным таким, интеллектуальным, вокабуляром автора надо искренне наслаждаться, от Bend Sinister остаешься только с одной эмоцией.

(<https://peresmeshniki.com/books/pod-znakom-nezakonnorozhdennyh-vladimir-nabokov>)

Особенно возмущены авторы статьи "садистским убийством" маленького Давида - сына Круга.

Сам Набоков был, видимо, против того, чтобы его книгу рассматривали в контексте социальных антиутопий. "Я никогда не испытывал интереса к так называемой литературе социального звучания ("великие книги" на журналистском и торговом жаргоне). Я не отношусь к авторам "искренним", "дерзким", "сатирическим" (Источник: <http://nabokov-lit.ru/nabokov/proza/nezakonnorozhdennye/nezakonnorozhdennye-19.htm>).

В диссертации "Вымышленные языки в поэтике англоязычного романа XX века: На материале романов "1984" Дж. Оруэлла, "Заводной апельсин" Э. Берджесса, "Под знаком незаконнорожденных" и "Бледный огонь" В. Набокова" М.В. Окс утверждает, что вымышленный язык "ПЗН" подчеркивает игровой якобы характер произведения. И побуждает якобы читателя вступать с ним в "игровые отношения".

Читатель разгадывает мультязычные каламбуры и находит аллюзии? Это всего лишь игра, считает автор исследования.

А сам роман ПЗН - явление.. чего бы вы думли? - постмодернизма! (нужно ли говорить, как отнесся бы к подобному ярлычку сам Набоков? - ИП).

А мораль такова: в отличие от других авторов антиутопий, стремившихся придать достоверность изображаемым событиям, В. Набоков преимущественно лингвистическими средствами способствует разрушению иллюзии реальности. К тому же снабжает вкрапления на вымышленных языках английским переводом, который зачастую заведомо неточен или неверен; в некоторых случаях вместо перевода за вымышленным словом следует авторский комментарий.

Вторит автору диссертации безвестный критик с сайта "Лаборатория фантастики". Он аттестует роман исключительно как литературную игру, и только. "Использует текст как пространство для своей «игры в бисер», только если у Эко основной игры является история и культура, то у Набокова — язык и литература. Он играет в слова и играет в художественные приемы. Явственно наслаждаясь этой игрой (которую оценит далеко не каждый читатель) и не скрывая этого. Отсюда многочисленные игры со словами, смещения языков, повторяющиеся и зеркалящиеся тропы, отсюда сложная система взаимоотношения автора и персонажа и появление автора-Набокова в самом тексте, отсюда бесконечные цитаты и отсылки к другим литературным произведениям, легкое заигрывание с читателем и критиком"..

Кое-кто заявляет, что, дескать, роман далек от социальной проблематики. "Суть романа — вовсе не в соотношении государства и личности, не в «разоблачении тиранов», и новое государство вовсе не символизирует советскую Россию. Собственно, как и чудесная страна Зембла не символизирует никакую Россию".

В центре внимания, считает критик, - человеческая личность и ее ценность. "Но если брать за основу «Приглашение на казнь», то очевидно, что тема та же: независимость личности от всех этих довольно пошлых обстоятельств внешнего мира, таких как государство, власть".

Кто-то находит в романе изысканные литературные аллюзии. "В «Под знаком незаконнорождённых» есть масса литературных отсылок. Пример особенно яркой — перефразирование «Ревизора». Но самая выпуклая — любопытная трактовка «Гамлета», с коим обязательно стоит ознакомиться до романа Набокова. Как почти всегда, не обошлось без очередного пролога к «Лолите». Снова появляется юная искусительница, Мариэтта, по-обыкновению, с именем на «М...» — образ, уже почти созревший, оформившийся, взошедший на порог и нетерпеливо стучащийся на Набоковские страницы".

Вывод: «Под знаком незаконнорождённых» — любопытный роман, чьей лучшей чертой является непередаваемая, пленительная атмосфера, красивые образные находки, искромётный юмор. Из всей библиографии автора произведение более всего напоминает «Приглашение на казнь». Вдумчивый читатель найдёт интересные мысли и может увлекательно провести время, анализируя художественную структуру.

Кто-то называет "ПЗН" "типичной антиутопией" и делает далекоидущий вывод о том, что Набоков ему не подходит -

Он делает все то, что я не люблю в литературе, а именно ставит стиль на первое место, а смысл прячет за множеством ссылок-отсылок для особо увлеченных интеллектуалов. Я понимаю, почему Набоков может нравиться, даже очень, но он, как и Достоевский с Толстым, подходит лишь людям определенного склада. В моих глазах он слишком холоден и расчетлив, я не чувствую в нем

подлинной страсти, как у других наших классиков, хоть у того же Газданова, того же поколения, не чувствую и болезненной травмы, страха и отчаяния, как у Замятина или Булгакова. «Под знаком незаконнорожденных» – типичная антиутопия.
("Связанные одной целью").

Третьи пересказывают сюжет романа, слегка его интерпретируя - "В государстве Падук царит строй, напоминающий сплав фашизма и коммунизма: так называемые “эквилисты” ратуют за уравнивание всех людей, причём не столько материальное, сколько интеллектуальное и духовное. Всемирно известному профессору философии Адаму Кругу воцарение “Партии Среднего Человека” не сулит ничего хорошего. Во-первых, новоявленный глава государства - его бывший одноклассник, которого маленький Круг обзывал Жабой и нещадно третировал. Во-вторых, партия хочет от Круга публичной поддержки и заявлений, что за эквилистами будущее, а смена власти пошла стране исключительно на пользу".

Четвертые говорят о том, что роман посвящен проблемам власти - "Странный и неоднородный роман. О чём он? О власти, об ошибках и недочётах государственной системы, которые превращают человеческую жизнь в .. Набоков возмущён общественными укладами, ценностями властителей, их глупостью, жестокостью и неумением признавать собственную несостоятельность и самодурство".

Говоря о романе ПЗН, Сваровская отмечает, что роман пока остается без какого-либо внимания со стороны отечественных набоковедов. "Пожалуй, только Л.Геллер предлагает несколько аспектов его изучения: как вариацию на тему "Бесов" в жанровой традиции русской и европейской антиутопии (Замятин. Оруэлл); как разветвленную мотивную структуру гротеска и абсурда (от Гоголя до Обэриутов). Исследователь не только не игнорирует возможность исторического прочтения произведения. Лю и побуждает к этому: "интересно было бы подробно изучить набоковскую модель тоталитарного строя' Л. Геллер отмечает и общий пафос романа ("антинацизм - антикоммунизм - антидеспотизм) и очевидное сходство примет романного социума с советской действительностью и идеологией".

В своей диссертации "Философско-эстетическая система Владимира Набокова и ее художественная реализация: период американской эмиграции" Г.Р. Романова предпринимает обзор доступных исследований о романе Набокова ПЗН.
Вот фрагмент этой диссертации:

В монографиях Н.А. Анастасьева уделено внимание жанровой специфике романа «Bend Sinister»: он называется параболой, моделью «абсурдного мира, где все упорядочено, закреплено, задано - и лишено смысла», где действительность в то же время и недействительность, «кошмарное видение главного героя» [Анастасьев 1992:163-165].

М.Н. Липовецкий отношения человека и государства трактует как оппозицию Космоса и Хаоса - в свете основной концепции своей монографии. Ученый рассматривает в романе авторскую игровую реальность и приходит к справедливому выводу, что никогда до «Bend Sinister» «образ автора не замещал собой образ персонажа, авторское измерение (творческий хронотоп) не заслоняло собой измерение сюжетное» [Липовецкий 1997: 77 - 87].

Несколько аспектов изучения «Bend Sinister» предлагает Л. Геллер: как разветвленную мотивную структуру гротеска и абсурда - от Гоголя до Обэриутов; как вариацию на тему «Бесов» в жанровой традиции русской и европейской антиутопии; как набоковскую модель тоталитарного строя [Геллер 1997: 578- 589].

О природе тирании в прозе Набокова, в том числе и в «Bend Sinister», размышляет А.С. Сваровская..

А С.М.Козлова (по словам той же Романовой) рассматривает философскую концепцию ПЗН. Центральный эпизод романа она обнаруживает в 5 главе. Это сон героя. Он является якобы подлинной реальностью, противостоящей реальности мнимой (большая часть повествования). В заключительной главе герой "пробуждается", возвращаясь к подлинному существованию. И обретает истину - "блаженную" с трансцендентальной точки зрения.

З. М. Чемодурова в статье "Игровые особенности англоязычного романа В. В. Набокова “Bend Sinister”" так пересказывает сюжет романа:

Сюжет романа “Bend Sinister” достаточно прямолинеен: в некоей Европейской стране к власти приходит диктатор Падук, возглавляющий партию «среднего человека» (The Party of the Average Man/ the Ekwilist Party), чьи лозунги включают «bits of Lenin’s speeches, and a chunk of the

Soviet constitution, and gobs of Nazist pseudo-efficiency», как пишет Набоков во вступлении к роману [6, с. 8].

Единственной силой, способной противостоять диктатуре Падука и доктрине «среднего человека», цель которой «духовное единообразие» (“spiritual uniformity”), является всемирно известный философ Адам Круг (Adam Krug), бывший одноклассник диктатора, прозванный в школе “the Toad” (жаба). Круг, олицетворяющий собой свободу человеческого сознания, отказывается поддержать диктатуру, несмотря на аресты своих ближайших друзей и давление новоявленного правителя государства. Потрясенный смертью жены и чувствуя себе в безопасности благодаря своей репутации, он долгое время не осознает, насколько он уязвим, и лишь когда власти отбирают у него сына, он, испытывая ужас и панику, готов сделать, что угодно, чтобы спасти единственного ребенка. Его сын погибает в ходе чудовищного эксперимента властей, Круг, оказавшийся в тюрьме, сходит с ума и гибнет, пытаясь убить диктатора. (с. 108).

Заметим, что здесь сила, противостоящая герою, обозначена как непосредственно "власть" (которая, оказывается, бывает не только доброй). Мы в таких случаях будем использовать термин "система". А вот что пишет о 2 части романа автор "Живого журнала" (ЖЖ).

И в тот самый момент, когда Круг, ненавидящий ухватки развязной девицы, готов уступить разожженной ее натиском похоти, собственно - уступает, в дом врываются юнцы из ГБ, Круга увозят, а Давид остается дома под их надзором. Это последняя треть романа, время, когда набоковская витиеватость и словесная избыточность сменяются экономной емкой, невыносимо больной прозой. А дальше совершенный кошмар, от которого задыхаешься.

В обмен на гарантии безопасности для Давида, Круг соглашается на роль буревестника революции и рупора системы, однако ребенка, отдают на растерзание самым отъявленным мерзавцам из числа уголовников (а вот не обзывай диктатора жабой, умник). Под запись на киноплёнку. Которую после демонстрируют отцу, с извинениями - ошибочка, мол, вышла. Бывает: лес рубят - щепки летят. Но мы устроим вашему мальчику пышные похороны и поставим дорогой памятник, а виновных ГБ-шников вы можете уничтожить собственными руками. Круг сходит с ума и застрелен при попытке убить Падука.

Согласитесь, в этом пересказе звучат недвусмысленные намеки на советскую систему, которые в романе Набокова прямо не прочитываются.

В чем состоит сюжет романа "Под знаком незаконнорожденных"? Дональд Бартон Джонсон в своей книге "Миры и антимиры Владимира Набокова" пересказывает его следующим образом:

События охватывают краткий период с конца ноября, когда умирает Ольга, жена Круга, до конца января следующего года, когда сам Круг, обезумевший от горя из-за того, что режим по ошибке убил его восьмилетнего сына Давида, пытается напасть на Падука и погибает. Сюжет строится вокруг сопротивления Круга, единственного интеллектуала страны, известного за ее пределами, постоянно возрастающему давлению правительства, которое пытается заставить его публично поддержать новый режим. Из-за своей международной известности Круг считает себя неуязвимым для такого давления, но он ошибается. Круг отказывается от таких соблазнов, как место президента университета, автомобиль, велосипед и корова, и после этого он становится свидетелем того, как один за другим его друзья подвергаются аресту и исчезают. Сначала это происходит с Максимовыми, пожилой русской парой, на дачу к которым Круг и Давид уезжают после смерти Ольги; затем аресту подвергается шекспировед Эмбер, друг и переводчик Круга, и, наконец, его коллега математик Хедрон. Когда и эти меры не помогают добиться покорности Круга, его самого тоже арестовывают, а его сына берут в заложники. Круг немедленно капитулирует, но уже поздно: новоиспеченный деспотический режим из-за административной ошибки позволил убить Давида в ходе экспериментальной программы психотерапии. Государство делает последнюю попытку подкупить Круга, дав ему возможность спасти от расстрела его друзей, родственников и коллег (двадцать четыре человека), но, убив Давида, режим утратил единственный способ влияния на Круга, который сошел с ума и стал действительно неуязвимым.

(Источник: <http://nabokov-lit.ru/nabokov/kritika/barton-miry-i-antimiry/myslitel-gnostik.htm> см. также Д.Б.Джонсон. Миры и антимиры.. СПб: Симпозиум, 2011, с. 249.)

Вот как пересказывает сюжет романа "Википедия" - "Действие романа разворачивается в некоем государстве, вместившем в себя черты европейских диктатур XX века, в частности, Германии времён Гитлера, а также черты советского режима: государственная идеология — так называемый Эквилизм — устанавливает идентичность каждого гражданина и отрицает какие бы то ни было отличия одного человека от другого. Это государство возглавляемо диктатором Падуком (что порождает многочисленные ассоциативные ряды: в частности, для русского читателя это имя несёт, во-первых, смысл «падение», а, во-вторых, напоминает о пауке; кроме того, существует версия, что это имя — запись французского «pas duc») и его «Партией Среднего Человека» (что также является аллюзией на советскую действительность). Главный герой книги — философ с мировой известностью Адам Круг — был одноклассником Падука и в детстве издевался над ним, пренебрежительно называя его Жабой. Теперь, став диктатором, Падук «ищет рычаг», чтобы заставить влиятельного профессора Круга работать на государство и пропагандировать философию. Первоначально арестовывают только знакомых Круга, но затем — и его. Падук предлагает ему работать на себя, и Круг соглашается, но только с условием неприкосновенности своего сына Давида. Его условие с радостью принимается, и Давида забирают в Государственный Дом Отдыха, как говорят Кругу. Когда же Круг приезжает туда, чтобы забрать сына, оказывается, что мальчика по ошибке отправили в Институт по Изучению Ненормальных Детей и в результате несчастного случая он погиб. Правительство незамедлительно предлагает Кругу собственноручно убить того, кто в этом виновен. Круг произносит ругательство перед представителями министерства, за что его заключают в просторную камеру. Кругу делается ещё одно предложение: в обмен на освобождение 24 противников Эквилизма покарать виновных, но к этому моменту Круг сходит с ума и в финале бросается на Падука, чтобы убить его".

2. СИСТЕМА.

Власть в стране, изображенной в "ПЗН", захвачена Падуком и его партией.

Их поддерживают не самые интеллектуальные персонажи романа (например, спутник Круга в его ночной прогулке - бакалейщик). Власть Падука и партии антигуманна, впрочем, и в ее антигуманизме есть своя логика.

"Я буду зарабатывать куда больше, чем прежде, потому что отныне мы все - одно счастливое общество. Мы теперь все - семья, одна большая семья, все связаны, все устроены, и никто не лезет с вопросами. Потому что у каждого есть какой-нибудь родич в партии. Сестра моя говорит, какая, говорит, жалость, что нет больше нашего старого папочки, он так боялся кровопролития. Сильно преувеличивал. А я так скажу, чем скорее мы перестреляем умников, которые поднимают вой из-за того, что несколько грязных антиэквилистов получили, наконец, по заслугам.."

Система Падука напоминает чем-то обычаи Страны советов. Особенно - так называемого "сталинского" времени. Когда кое-кого увозили "черные воронки".

Знакомый ему человек, бывший член парламента, смирный зануда, имевший привычку прогуливать в сумерках парочку одетых в пальто вежливых таксов, тому два дня выехал из пятидесятого номера в грузовике, уже набитом другими арестантами. Видно, Жаба решил сделать свою революцию сколь возможно традиционной.

(часть 3)

В другом фрагменте нахожу:

- Так что же Руфель? [политолог]. Вы сумели его найти?

- Недостижим, - ответил д-р Александер. - Видимо, арестован. Для его же собственной безопасности, так мне сказали.

(часть 4)

Другие события книги заставляют вспомнить ход современной российской истории, в частности 1993 - ий год.

Да, и прежде разгоняли парламент или сенат, и не впервые случается, что темная и малоприятная, но на редкость настырная личность прогрызает себе дорогу в самое чрево страны.

(Источник: <http://nabokov-lit.ru/nabokov/proza/nezakonnorozhdennye/nezakonnorozhdennye-4.htm>).

О. А. КАЗНИНА в статье КОНФЛИКТ «Я» И «МЫ» В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Е. И. ЗАМЯТИНА И В. В. НАБОКОВА замечает, что Э. Уилсон, критик и друг Набокова, считал роман «Bend Sinister» политическим, за что осуждал писателя, который, по его мнению, взялся не за свое дело. "Но этот роман действительно, как заметили русские современники Набокова, не о политике, он — «о другом»: в нем раскрывается вечная набоковская тема одиночества и трагедии творческого сознания" (с. 59).

Центральная тема романа, считает критик, - положение интеллигенции в меняющемся мире ценностей. И свободы. Решается эта проблема в форме антиутопии.

Цель романа - не столько политическая сатира на современный писателю режим, считает Казнина, сколько рассказ о судьбе индивидуума в современном мире.

Впрочем, система как таковая в лице ее последователей обрисована достаточно ярко. Тиран Падук во время своей деятельности находит отклик в сердцах своих сограждан. И это не только обширный класс обывателей, но и ученые, окружающие главного героя. Это ученые - марионетки. Личность героя противопоставлена этой "высоколобой элите", как характеризует ее автор статьи. Тоталитаризм находит поддержку в ученой среде, ответственность за его распространение лежит на интеллектуальной элите, считает Казнина.

Т.Н. Белова в статье "Пространство и время в романах В.В. Набокова как многоуровневая художественная перспектива" говорит о "тоталитарном Падукуграде" со своим особенным языком.

Создание особенного языка, по-новому изображающего жизнь - примета тоталитарных режимов (начиная с нашей любимой Советской власти).

В "ПЗН" директор пытается приобщить школьников к общественной жизни, которую Набоков почему-то называет "гражданским вздором" -

.. "с идеями" решил развить у старшеклассников то, что он называл "общественно-политическим сознанием". У него имелась целая программа - собрания, дискуссии, создание партийных группировок, - ну, в общем, много чего.

(Источник: <http://nabokov-lit.ru/nabokov/proza/nezakonnorozhdennye/nezakonnorozhdennye-5.htm>)

Так в романе "Дар" упоминаются немцы, возвращающиеся на грузовике после каких-то гражданских мероприятий, - разумеется, не без сарказма.

Аналоги эквилизма (теории равного для всех сознания) - социализм и религия, считает писатель. "Это, уверял он, теория совершенно новая. Правда, социализм отстаивал однородность в экономической плоскости, а религия мрачно предрекала ее же в плоскости духа - как неизбежное состояние в загробном мире. Но экономист не понял, что сколько-нибудь успешное выравнивание богатств неосуществимо, да, собственно, и не является вообще моментом действительности, пока существуют особи, у которых ума или нахальства больше, чем у прочих; подобным же образом и священнослужитель не осознал пустоты его метафизических посулов для тех избранников (причудливых гениев, охотников за крупной добычей, шахматистов, чудовищно выносливых и разносторонних любовников, сияющей женщины, что после бала снимает ожерелье), которым этот мир представляется раем в себе" (глава 5).

Эквилизм преобразуется Падуком в довольно злобную политическую доктрину, предполагающую "силой насадить духовное равенство", универсально управляя людьми с помощью армии и чиновников.

Т.Н. Белова в статье "Специфика хронотопа в романах В. Набокова" называет столицу страны Падука примером фантастического хронотопа.

Вероятно, он чем-то напоминает изображенный в "Мы" Замятина. "В ряде «американских» романов присутствуют и фантастические миры: Терра – Антитерра и Эстотия (которую мне на кафедре новейшей отечественной литературы и культурологии переправляли на Эстонию - ИП) в «Аде», сказочное северное королевство Зембла в романе «Бледное пламя», тоталитарный Падукград со своим особенным языком в антиутопии «Bend Sinister»" (с. 59).

О "лунатиках смиренных в солдатских мундирах" Набоков писал еще в стихотворении "Поэты".

Система создает особый язык, с помощью которого держит в повиновении своих подданных. Примеры этого языка приведены в самом романе. П.С. Дронов (Институт языкознания РАН) в статье "Владимир Набоков как конлангер: опыт комментария к фразам на искусственном языке в романе «Под знаком незаконнорожденных» (Bend Sinister)" приводит такую цитату из набоковского Предисловия к роману:

Язык страны, на котором говорят в Падукграде и Омибоге, равно как и в долине Кура, в Сакрских горах и в окрестностях озера Маллер, — это дворняжичья помесь славянских языков с германскими 4, значительно отягощенная текущей в ней наследственной струей древнего куранианского (особенно ощутимой в выражениях горя); однако разговорные русский и немецкий так же используются представителями всех слоев населения — от неотесанных солдат-эквилистов до несомненных интеллигентов.
(цит. по: Дронов, 20).

Мотив взаимозаменяемости "винтиков" государственной системы встречается в шестой главе ПЗН -

- Отныне, - продолжал жутко раздувшийся тиранозавр, - путь к повальному счастью открыт. Вы обретете его, собратья, в пылом сопряженье друг с другом, уподобясь счастливым мальчикам в наполненной шепотом спальне, подстроив мысли ваши и чувства к мыслям и чувствам гармоничного большинства; вы обретете его, сограждане, выполов с корнем высокоумные представления, которых не разделяет и не должно разделять наше общество; вы обретете его, о юноши, когда растворите личности ваши в мужественном единении с Государством; тогда и только тогда будет достигнута цель. Ваши бредущие ощупью индивидуальности станут взаимосменяемыми
(Источник: <http://nabokov-lit.ru/nabokov/proza/nezakonnorozhdennye/nezakonnorozhdennye-6.htm>).

Он, вероятно, заимствован из романа "Отчаяние", где Герман (убийца) восхвалял обычаи социалистического общества. Именно в этом обществе, считал Герман, рабочего у станка может с успехом заменить другой, похожий на него. Вот такой мир Ферманов и Геликсов..
Многие исследователи, кстати, в связи с этим касались темы (довольно-таки русской) "двойника" у Набокова.

Красина Марина Радиевна (Московский городской педагогический университет, Россия) не зря написала статью, которая так и называется - "Мотив двойничества в романе В.В. Набокова «Под знаком незаконнорожденных»".

Итак, мотив двойничества, соглядатайства. "Герой «Bend Sinister» указывает на то, что есть кто-то, кто за ним «присматривает»: «Чужак, спокойно следящий с абстрактного берега за течением местных печалей. Фигура привычная - пусть анонимная и отчужденная. Он видел меня плачущим, когда мне было десять, и отводил к зеркалу в заброшенной комнате (с пустой попугайной клеткой в углу), чтобы я мог изучить мое размываемое лицо. Он слушал, поднявши брови, как я говорил слова, которые говорить не имел никакого права. В каждой маске из тех, что я примерял, имелись прорези для его глаз» [3, 307]. Этот отрывок мы бы объяснили так, что истинное Я героя (сознание – автор-создатель) следит за тем Я, которое у всех на виду. В минуты душевного напряжения «соглядатай» «с заботой и участием» приглядывает за своим «подопечным»".

Особый, специфический язык функционирует внутри системы. Чем-то он напоминает русский, и содержит заимствования из других славянских языков. Как свидетельствует Дронов, ".. куранианский в романе «Bend Sinister» — это не только языковая игра, но полноценный конланг, хотя и не проработанный достаточно подробно. В.В. Набоков впоследствии вернулся к созданию вымышленных языков в произведении «Бледное пламя» (англ. Pale Fire; один из вариантов перевода — «Бледный огонь»); указанный роман содержит достаточно развернутые фрагменты (в том числе и стихотворные) на Zemblan, или земблянском языке (от нидерл. Nowa Zembla 'Новая Земля'). Эти искусственные языки, содержащие искаженные элементы естественных, чем-то похожи на уже упоминавшиеся нетки — странные и нарочито искаженные игрушки, отражение которых в кривом зеркале оказывалось симметричным и приятным глазу. Фактически, здесь мы сталкиваемся с метафорой зеркал и отражений, характерной для творчества Набокова (см. [5])".

Мораль тоталитарной системы звучит в словах Падука - из следующей беседы:

- Прежде всего, я хочу знать, почему схвачены четверо моих друзей? Не для того ли, чтобы создать вокруг меня вакуум? Оставить меня дрожать в пустоте?

- Твой единственный друг - Государство.

- Понятно.

(глава 11)

О создании системой особого языка для ее адептов - говорит Е. А. Малышева (Санкт-Петербургский экономический государственный университет) в статье ФУНКЦИИ ВЫМЫШЛЕННОГО ЯЗЫКА В

ПРОИЗВЕДЕНИИ В. НАБОКОВА «BEND SINISTER» («ПОД ЗНАКОМ НЕЗАКОННОРОЖДЕННЫХ») И ПЕРЕДАЧА ИХ ПРИ ПЕРЕВОДЕ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Исследовательница называет роман Набокова классической антиутопией с классическим для нее сюжетом. Сюжет заключается в том, что герой идет против системы целого государства, но проигрывает ей.

Как известно из 11 главы, Падук готовит Кругу речь, которую он должен произнести.

И некий великий мыслитель этой страны должен был появиться в алых хламидах (чик) бок о бок с символом и главой Государства (чик, чик, чик, чик, чик, чик) и громко провозгласить, что Государство значительнее и мудрее любого

(Источник: <http://nabokov-lit.ru/nabokov/proza/nezakonnozhdennye/nezakonnozhdennye-11.htm>)

Повторяющееся "чик" - это намек на фразу тюремщика в "Приглашении на казнь", который говорит Цинциннату - "будем чик-чик делать".

В принесенной Кругу представителями Государства газете содержится такой пассаж:

Человек, никогда не принадлежавший к масонской ложе или к землячеству, клубу, союзу и тому подобному, - это опасный и ненормальный человек. Конечно, некоторые организации были из рук вон плохи, их теперь запретили, и все-таки человеку лучше принадлежать к политически ошибочной организации, чем не принадлежать ни к какой вообще. В качестве примера, которым должен искренне восхищаться и которому обязан последовать каждый гражданин, нам хотелось бы привести нашего соседа, который признается, что ничто на свете - ни самый захватывающий детективный роман, ни пышные прелести его молодой супруги, ни даже мечты, дорогие каждому юноше, мечты о том, что когда-нибудь и сам он тоже станет начальником, не в состоянии спорить с еженедельной радостью -- встречей с себе подобными и хоровым пением в обстановке доброго веселья и, позвольте добавить, доброй коммерции.

(Источник: <http://nabokov-lit.ru/nabokov/proza/nezakonnozhdennye/nezakonnozhdennye-13.htm>).

Исходя из посыла этого опуса, человек ценен только постольку, поскольку является "общественным существом". Роль личности как таковой (ее личный статус), таким образом, нивелируется.

Представители Государства приезжают, чтобы арестовать Круга (и разлучить его с Дэвидом). Это ситуация, знакомая гражданам тоталитарной страны.

- Мой жених ждет в машине внизу, - пояснила она Мариэтте, наградив ее улыбающимся поцелуем. - Профессор может идти прямо так. Там, куда мы его свезем, он получит симпатичный стерильный костюмчик установленного образца.

- Дошла, наконец, очередь и до меня? - спросил Круг.

- Ну, как ты, Марихен? Как забросим профессора, поедем в компашку.

(Источник: <http://nabokov-lit.ru/nabokov/proza/nezakonnozhdennye/nezakonnozhdennye-16.htm>).

Андреа Питцер в книге "Тайная история Владимира Набокова" отмечает, что роман рассказывает "о судьбе независимого философа Адама Круга, которого тиранит правитель по прозвищу Жаба. Действие происходит в параллельной реальности, но в ней отчетливо считаются текущие политические события" (2016, 307).

Что требуется от Круга? Показать, что интеллектуалы "счастливы и гордо шагают в ногу с массами". Правительство Падука исследовательница аттестует нелицеприятно - его порочность, считает она, не уступает его же скудоумию. Итак, Падук добивается, чтобы герой поддержал его режим - от имени всех интеллектуалов.

Замечено, что в своем предисловии Набоков связывает ПЗН с тоталитарными режимами, современными ему, с этими "мирами терзательств и тирании, фашистов и большевиков, мыслителей-обывателей и бабуинов в ботфортах". Набоков, по словам автора книги, использует фрагменты речей Ленина и выдержки из советской конституции.

Есть в ПЗН и отсылки к советским трудовым лагерям и нацистской пропаганде.

Вывод: роман ПЗН стал первой книгой Набокова, которая одновременно принадлежит и литературе, и политике. "Возможно, именно поэтому она получилась наименее гармоничной. Набоков, по собственному признанию, сознательно писал ее как "яростное обличение диктатуры" и нацизма, и коммунизма" (с. 311).

Мущинский Александр Владимирович, учитель русского языка и литературы (ГУ ЛУВО «Спортивная академия ``Заря"» Spliffo@mail.ru) в статье "Антиномия тоталитаризма и личности в творчестве В.В. Набокова" замечает, что в предисловии к роману ПЗН Набоков говорил: «Политика и экономика, атомные бомбы, примитивные и абстрактные формы искусства, Восток целиком, признаки ``оттепели" в России, будущее человечества и так далее оставляют меня в высшей степени безразличным».

Набокова интересовала не столько природа тоталитарных режимов, сколько проблема свободы личности в условиях такого режима.

Вот что Мущинский пишет далее (с. 36) -

Тема социального безразличия и социальной глупости – одна из тех «скрытых тем», о которых писал в романе В.В. Набоков, говоря, что национальной особенностью населения в государстве Падука является тупоумие. Этот запущенный процесс введения обывателя в тоталитаризм В.В. Набоков иронично называет Скотомизацией. Условно этот процесс можно обозначить как «социальную слепоту». И действительно, человек, превращающийся в существо со стадным инстинктом, – самая страшная регрессия по В.В. Набокову.

Как актуальны эти слова сегодня!

Столкновение аморального общества и индивидуальности – это центральный конфликт и рассказа "Озеро, облако, башня", считает Мущинский.

Представители Государства в романе прямо говорят о том, что существование человека как такового не представляет для них особенной ценности.

- Жизнь индивидуума недолговечна; мы же гарантируем бессмертие Государства. Граждане гибнут ради того, чтобы Град их остался жить

(Источник: <http://nabokov-lit.ru/nabokov/proza/nezakonnozhdennye/nezakonnozhdennye-18.htm>).

Поднимает Набоков и тему ответственности народа за то, что он подчинился тоталитарному режиму, - ".. в "Bend Sinister" молодое пока еще полицейское государство Падука, в котором некоторое тупоумие является национальной особенностью населения (увеличивающей возможности бестолковщины и неразберихи, столь типичных, слава Богу, для всех тираний), - отстает от реальных режимов" (Источник: <http://nabokov-lit.ru/nabokov/proza/nezakonnozhdennye/nezakonnozhdennye-19.htm>).

Омри Ронен в статье "Исторический модернизм, художественное новаторство и мифотворчество в системе оценок Вл. Набокова" приводит цитату из предисловия Набокова. Набоков, замечает исследователь, пишет о том, что слова чудовищно искажаются в Падукграде. Да и всякий человек здесь понимается как анаграмма другого (смотри "мир Геликсов и Ферманов" в романе "Отчаяние"). Задача системы, считает писатель, - по-своему перекодировать язык, на котором говорят граждане, сделать их частью своего лингвистического проекта. Привив людям собственный язык, ими легко управлять.

Сваровская пишет о "институте заложничества" в романе. "Институт заложничества, становящийся пружиной действия в романе, демонстрирует продуманность всей государственной машины Насилия (массовые аресты, завербованные агенты, агрессивно-лицемерная пропаганда и прочие *общие места" любого подобного режима)".

Среди рычагов давления власти на индивидуума - материнский и отцовский инстинкт, считает Сваровская. "Любовь героя к сыну - это органическая потребность держать его подле себя ; отсюда панический испуг Круга в момент исчезновения Давида, когда опасность оказалась ложной, и животный страх, когда ребенка хватают уже всерьез. Изошренность пыточной системы не знает предела. В романе такой предел, точнее, "запредельность" - сделать из ребенка объект садистских развлечений убийц и насильников".

В романе тиран "то притворяется другом, то заслоняется тупостью подчиненных, то пытается "перевернуть ситуацию" (при встрече с насильно привезенным Кругом Падук делает вид, что тот сам нуждается в нем и сам просил об аудиенции). Запутанность, обманность ходов лабиринта не противоречит четкому знанию палача об исходе блужданий жертвы".

А. В. Святославский и Е. В. Егорова в статье В.И. ЛЕНИН В ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЦЕПЦИИ В.В. НАБОКОВА пишут о рассказе "Истребление тиранов", где образ диктатора вырисовывается довольно неприятный - так же, как в ПЗН.

Скромный учитель рисования, служащий в провинциальной гимназии, создает собирательный образ тирана и пишет что-то вроде его жития. Тиран под его пером предстает «самодуром, жестоким и мрачным пошляком с болезненным гонором» [9; с. 448], который «только наряжается богом» [9; с. 448]. У этого «торжествующего чудовища» [9; с. 450] «толстая морщина через весь лоб» [9; с. 447], «кесарская плешивость» [9; с. 451], «гнутое задыханье» в конце произносимых им фраз [9; с. 451]; обитает он «в камере главной столичной тюрьмы, превращенной для него в замок» [9; с. 455]. (с. 323).

"Преступление" Круга в романе ПЗН - в том, что он мыслит не как все, считают авторы статьи. Между тем в Падукуграде господствует идея эквилизма - уравнивания всего и вся. "Герб тиранического государства в романе — паук на красном фоне, что вызывает ассоциации одновременно и с «серпом и молотом», и со свастикой. В предисловии к более позднему изданию романа Набоков прямо говорит о преломлении в нем большевистской и фашистской идеологий". Приводится, между прочим, такой "выпад" Набокова в сторону Ленина:

Воспоминания близких часто бывают невыносимо приторны, а бедной Крупской не хватало ни юмора, ни вкуса. Ироничный читатель, дойдя до пассажа, где Ленин не выстрелил в лисицу, потому что она была «красивой» (из книги Н. К. Крупской «Воспоминания о В. И. Ленине» [4; с. 31] — Е.Е.), может в ответ бросить: «Жаль, что Россия ему такой не показалась» (с. 326).

Характерно и признание Набокова в письме Рене Миша 1961 года: «Я против любой диктатуры, правой или левой, земной или небесной, белой, серой или черной, розовой, красной или пурпурной, Ивана Грозного или Гитлера, Ленина, Сталина или Хрущева <...>. Я приемлю только правительства, которые позволяют человеку говорить то, что он хочет». Осипова А.С. замечает в романе знакомые нам штампы -

.. штампы официальной пропаганды («газета является коллективным организатором»; «как сказал вождь»; стихи в честь Падука, напечатанные лесенкой, как у Маяковского). ("Краткое содержание..")

3. Герои и персонажи.

3.1. Круг.

Дональд Бартон Джонсон, говоря об образе героя в "ПЗН". замечает, что имя его не случайно. "Адам, по-древнееврейски «человек», находится в таких же отношениях с антропоморфным божеством книги, как библейский Адам — со своим Создателем. С точки зрения философской и моральной географии, эти две ситуации также параллельны, по крайней мере, после грехопадения: мир Круга — зло; мир его создателя — добро" (с. 263).

Кроме того. По-русски Круг означает «круг», а по-немецки — «кружку» или «кувшин». "Во время рокового разговора Круга с Падуком последний говорит ему: «Все, что нам нужно, — это тот кусочек тебя, в котором упрятана рукоятка». На это Круг с яростью отвечает: «Ее не существует» (и здесь он ошибается) (СА 1, 322). Позже, после своего ареста и похищения Давида, Круг думает: «он не предполагал, что они сумеют найти рукоятку. Собственно, и сам-то он едва ли знал, что какая-то рукоятка вообще существует» (СА 1, 368)" (там же).

У Круга есть палиндромная тень в романе - стражник Гурк. "В этом месте, как говорит Набоков в предисловии, нас должна поразить палиндромная оппозиция русской окружности (Круг) и тевтонского огурца, так как «gurk» — это форма германского корня слова «огурец». Этот чисто словесный палиндром скоро начинает жить своей жизнью. После того, как Кругу наконец разрешают перейти мост, его заворачивают назад на южном конце, так как на его пропуске нет подписи стражи с северного конца моста. Философ идет назад, чтобы получить подпись неграмотного Гурка. Палиндромная природа имен противопоставленных героев, Круга и Гурка, буквально воспроизводит

многократные переходы моста и является миниатюрным зеркальным отражением абсурдности обреченных усилий Круга" (с. 265).

Рассматривается связь имени героя с мотивом геометрической одноименной фигуры. "Хотя в рамках романа «Под знаком незаконнорожденных» круг в противоположность греческому кресту, несомненно, положительный символ, так как он отмечает родство Круга с миром его создателя, круг — это еще и форма его тюрьмы. Можно вспомнить метафору Круга, сравнивающую его ум, заключенный в черепную коробку, с круглой темницей, а также круглую тюремную камеру, в которой он оказывается перед допросом (СА 1, 345 и 372). В качестве символа-мотива романа круг имеет недостаток, так как хотя он совершенен в одном смысле, в другом смысле он очерчен, самоограничен и даже порочен" (с. 274).

Есть в романе и однофамилец героя - доктор Круг.

- В городе темно, на улицах опасно. Право, вам лучше бы здесь провести ночь... В больничной кровати - (gospitalisha kruvka - снова этот болотный акцент, и он ощутил себя тяжелой вороной - kruv, помавающей крыльями на фоне заката). - Пожалуйста! Или хоть подождите доктора Круга, он на машине.

- Не родственник, - сказал он. - Чистое совпадение.

- Я знаю, - сказала она.

(<http://nabokov-lit.ru/nabokov/proza/nezakonnozhdennye/nezakonnozhdennye-2.htm>).

Доктор Круг своей короткой фамилией напоминает нам доктора Гибель из рассказа "Соглядатай", занявшего место героя в его комнате после самоубийства будущего Смурова.

Первая буква фамилии напоминает другого героя Набокова - Найта - Knighta. В одной своей статье я уже писал о том, что первая буква фамилии набоковского героя напоминает ход шахматного коня (Гумберт Гумберт, Годунов-Чердынцев, Герман и т.д.). Мотивы хода шахматного коня появляются и в "Защите Лужина", и здесь. "Прочие затаились окрест, и когда скакнул, словно шахматный конь, фонарь, чтобы его осветить".

Набоков дарит своему герою находки и из своих стихотворений. Например, в словах - "Круг начал пересекать черную реку" - есть намек на лирического героя, стоявшего над темной рекой "в городе мгlistом, огромном" и глядевшего в маслянистую темноту "рядом с тенью случайно любимой".

М.Р.Красина в статье "Концепция героя "незамеченного поколения".." рассматривает характеристики образа набоковского героя на материале романов "ПНК" и "ПЗН". Герой набокова - "особенный", считает она. Он сугубо индивидуалистичен, характеризуется "агностицизмом" в восприятии мира. Многогранно переживает действительность. На его свободу и жизнь посягают второстепенные персонажи романов. Их попытки прочесть "логику жизни" тщетны и наивны, считает автор статьи. А герой заявляет им: "Подите вы прочь, с вашими линейками и весами".

Приводится в подтверждение мысль Р.Гвардини, считавшего, что любая оформленная картина мира есть следствие ограничения собственного познания этого мира. А старания подобрать каждому предмету свое место лишают жизнь свободы, считает Красина.

Герой Набокова - личность, утверждает автор статьи, она наделена творческим потенциалом, глубоко чувствует мир и даже "потусторонность". Но одновременно это и "трагичный персонаж", обреченный на одиночество.

Отношение к жизни у героя Набокова имеет творческий характер, пишет Красина. Герой - творец, художник, меняющий окружающий мир. "Среди литературоведов писателя принято считать атеистом, однако его отношение к творческому процессу подтверждает глубоко осмысленное отношение к Богу". Смысл человеческой жизни, считает автор статьи, в том, чтобы уподобиться Творцу, стать создателем, художником. Найти свое "живое" - будь то страсть к интеллектуальной игре или мечта о доме или любовь.

Творить, созидать - в этом предназначение героя Набокова, считает М.Р. Красина.

Круг напоминает чем-то Ван Вина из "Ады, или Страсти". Возможно, своим интересом к теме пространства (божественного пространства - как уточнил бы Набоков). Вот фрагмент из "ПЗН" -

Сначала у меня мелькнула непростительная мысль, что он разрешился чудовищной шуткой, как в тот раз, когда задом наперед прочитал лекцию о пространстве, желая узнать, прореагирует ли хоть как-то хотя бы один из студентов. Никто не прореагировал, как в первую минуту не прореагировал и я.

(Источник: <http://nabokov-lit.ru/nabokov/proza/nezakonnozhdennye/nezakonnozhdennye-3.htm>).

А Ван Вин, как известно, пишет работу как раз о пространстве и времени.

Любопытно, что Круг может быть сопоставлен и с героем романа "Защита Лужина" - хотя бы на основании вот такого абзаца из 4 части "ПЗН": " .. профессор Адам Круг, философ, сидел чуть в стороне ото всех, потонув в кретоновом кресле, сложив на его подлокотники свои волосатые руки. Он был большой тяжелый человек, немного за сорок, с неопрятными, пыльноватыми или отчасти засаленными кудрями и с грубо вырубленным лицом, наводящим на мысль о шахматисте со странностями или о замкнутом композиторе, только поинтеллигентней".

А часы в романе "ПЗН" напоминают циферблат из романа "Приглашение на казнь". Последний лишен стрелок - то есть так же "беззащитен".

Ударили часы. Ибо д-р Александер, аккуратист и умелец, не совладав с припадком трудолюбия, уже стоял на стуле и теребил висюльки и лапал беззащитный лик циферблата. Розовой пастелью отражались в отворенной стеклянной дверце часов его ухо и энергический профиль.

(часть 4 "ПЗН")

Казнина считает, что Круг - яркая индивидуальность (в мире Набокова это несомненное достоинство).

«Индивидуалистическая позиция» главного героя — Адама Круга проявляется еще в школе: он никогда не участвует в собраниях, дискуссиях, партийных группировках, что вызывает недовольство директора школы. Непокорного ученика наказывают поначалу только явной несправедливостью, заниженными оценками. Директор — «либерал со здоровым левым уклоном» — требует, чтобы «все мальчики следовали своим социальным и экономическим инстинктам», он приветствует вступление в любую партию, и не может простить одного — отсутствия общественных интересов, нежелания вступить в какую бы то ни было организацию. За школой следует университет — придаток к политическому курсу, приспособляющийся к любому режиму. «Президент» университета, по его признанию, за свою долгую жизнь успел «разделить большинство из политических идей».

(Конфликт "я" и "мы".. с. 69).

Своего героя Набоков наделяет собственными спортивными пристрастиями. Например, Круг играет в футбол (напомним, Набоков был голкипером).

Круг играл в футбол [vooter], а Падук - нет [nekht]. Круг, плотный, толстощекий, курчавый мальчишка, щеголявший в твидовых бриджах с пуговками ниже колен (футбольные трусы запрещались) толкся по слякоти, вкладывая в это занятие больше рвения, чем умения.

(Источник: <http://nabokov-lit.ru/nabokov/proza/nezakonnorozhdennye/nezakonnorozhdennye-5.htm>).

КРАШЕНИННИКОВ СТАНИСЛАВ ИГОРЕВИЧ в диссертации "Функционирование символов и символических структур в романах В. Набокова "Подвиг", "Отчаяние", "Дар", "Под знаком незаконнорожденных"", говоря об образе Круга, замечает: "Сама история названия романа дает ключ к одному из символических мотивов творчества Набокова - мотиву шахмат. Одно из рабочих названий романа - «Solus rex» («Одинокий король»), впоследствии отвергнутое автором, содержит очевидную шахматную метафору: Адам Круг -одинокий король, в шахматах так называется позиция, когда на доске у черных остается только король — и он обречен".

Для Крашенинникова теории Круга и Падука одинаково далеки от истины. "Между жабой Падуком и «ласточкой» Кругом (анаграмматически отражающих друг друга) Набоков ставит знак равенства - идея сверхсознания Круга отвергается Набоковым в не меньшей степени, чем идея тоталитарного государства, которое, по существу, иллюзорно и является лишь декорацией к миру тотального сознания Круга. Круг, несмотря на свою подвижническую борьбу с диктатурой, придумывает собственную диктатуру, не менее безумную. Идею равенства двух антагонистичных теорий - эгалитаризма Скотомы и безконечного сознания Круга — иллюстрирует сцена на мосту".

Круг - разумеется, главный герой повествования. Но Набоков замечает, что не прочь написать повествование от имени .. дуба. Почти как в "Приглашении на казнь".

Это как если бы некто, увидев некий дуб (называемый далее "Отдельное Д"), растущий в некой земле, отбрасывая неповторимую тень на зеленую и бурю почву, затеял бы строить у себя в саду машину

огромной сложности, которая сама по себе была так же не схожа с тем или этим деревом, как не схожи вдохновение и язык переводчика с вдохновением и языком изначального автора, но которая посредством искусного сочетания ее частей и световых эффектов, и работы ветродуйных устройств смогла бы, будучи завершённой, отбрасывать тень, в точности схожую с тенью Отдельного Д (Источник: <http://nabokov-lit.ru/nabokov/proza/nezakonnorozhdennye/nezakonnorozhdennye-7.htm>)

Любопытно, что арестовывать Эмбера (фаната Шекспира) является некто по имени Густав. И сразу вспоминаются братья Густав и Антон из "Королька".

Сравнивает героя с Адамом - первым человеком на земле - Станислав Крашенинников:

Телесность Адама Круга, первого человека, сопряжена в романе с образом грехопадения, телесной любви и миром Падукграда. С городом Падука Адама, в частности, связывает яблоко — согласно апокрифической традиции, кусок этого яблока застрекает в глотке вкушившего от древа познания. В тексте же возникает адамово яблоко — «треугольный прогал для яблока его тезки». Огрызком яблока пытается запустить один из солдат в Круга в конце 6-й главы. Воспоминание о яблочном сидре, выпитом с братом другого солдата (в сцене на мосту) позволяет Адаму преодолеть препятствие в виде бюрократической процедуры, мешающей ему добраться до дома. «Иногда ... поторговывал яблоками» шпион у дома Круга, что отсылает также к «Золотому горшку» Т. А. Гофмана, что однозначно соотносится с образом темных сил. «Yablochko, kuda-zh ty tak kotishsa?», — вопрошает разбушевавшегося Круга солдатик, поймавший его в момент осознания Адамом смерти любимого сына Давида.

(Крашенинников, С. И. Гностическая символика романа «Под знаком незаконнорожденных» / С. И. Крашенинников. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2014. — № 13 (72). — С. 308-310. — URL: <https://moluch.ru/archive/72/12283/> (дата обращения: 14.09.2022)).

Чем-то Круг напоминает Цинциннату Ц. Его так же заточают в тюрьму и подвергают там абсурдным испытаниям - процедурам.

- Все это весьма уклоняется от правил, - сказал наконец он, - однако, мне представляется, что вы правы. Видите ли, общепринятая процедура примерно такова: первым делом надлежит заполнить анкету, потом вы отправляетесь восвояси, в камеру. Там вы изливаете душу такому же, как вы, заключенному - это, понятное дело, наш человек. Затем, утречком, часиков этак около двух, вас пробуждают от тревожного сна, и я начинаю допрос заново. Сведущие люди считают, что вы должны будете расколоться так где-то от шести сорока до семи пятнадцати. Наш метеоролог предрек особо безрадостный рассвет.

(Источник: <http://nabokov-lit.ru/nabokov/proza/nezakonnorozhdennye/nezakonnorozhdennye-17.htm>)

Не зря в "Под знаком незаконнорожденных" появляется "модель гильотины (с чопорной куклой в цилиндре - обслуга) под стеклянным колоколом на полке камина" (глава 17).

"В романе «Приглашение на казнь» замкнутое пространство принимает вид тюремной камеры, а в романе «Bend Sinister» – государства. Не случайно В.В. Набоков даёт такое имя и фамилию главному герою. В Библии – первый человек, сотворённый Богом, Адам, олицетворяет в первую очередь духовное начало. В.В. Набоков любил использовать такой художественный прием, как звукопись. Помещая главного героя в это замкнутое пространство, можно увидеть набоковский каламбур: Адам Круг в замкнутом круге" (А.Муцинский, Антиномия тоталитаризма..)

Имя героя символично, как имя многих набоковских героев, например, Годунова-Чердынцева или Цинциннату Ц.

Впрочем, есть и отличия от Цинциннаты. "Сам Цинциннат Ц. описывается «маленьким и узким» человеком (примечательно, что в романе «Bend Sinister» Адам Круг описывается как большой, огромный, громадный), но это метафора. «Маленьким и узким» его делает тоталитарный режим, который ущемляет достоинство человека".

В статье "Межкультурная диФфузия в литературе (на примере творчества В. Набокова и Ф. КаФки)" Е.П. Шиньев (Пензенский государственный педагогический университет им. В. Г. Белинского, кафедра мировой и отечественной культуры) пишет: "Набоков – субъективный писатель, может быть, именно отсюда следует его забота об индивидуальности. Личностный взгляд на мир не просто неожиданнее и точнее, а единственно возможный".

Отсюда - необычайное внимание писателя к личности героя литературного произведения. Так, Шиньев утверждает, что способностью к вдохновению («озаряющие моменты времени», в духе

романтической поэзии; епифании, внезапное свечение) Набоков наделяет своих любимых героев – Цинцинната («Приглашение на казнь»), Федора («дар»), Адама Круга («Под знаком незаконнорожденного»), Пнина (одноименный роман), Шейда («Бледный огонь»).